

КРЫМСКИЕ ДЕТЕКТИВЫ

Владимир Жуков

**ПОД ЗНАКОМ
СКОРПИОНА**

Владимир Жуков
Под знаком скорпиона

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Жуков В. А.

Под знаком скорпиона / В. А. Жуков — «ЛитРес: Самиздат»,
2015

Сюжетом послужила реальная история. Журналист городской газеты вместе с прорабом расследуют факты злоупотреблений на строительстве частных коттеджей. После гибели прораба опасность угрожает журналисту и его возлюбленной. Обостренное чувство справедливости, принципиальность обернулись для них трагедией.

1. Прораб-борец

Звонкий апрель радовал зеленью травы и деревьев, белым и розоватым цветением миндаля и персика, яркими лучами солнца и бирюзой Азовского моря. Грядущие события не предвещали крутых перемен. Но однажды вечером, когда я уже собирался уходить, в кабинет вошел крепко сбитый мужчина среднего роста, лет тридцати-тридцати пяти от роду. В руках он держал черный кожаный "дипломат": открытое лицо, прямой взгляд серо-стальных глаз и волевой подбородок выдавали в нем сильную личность. Держался он уверенно и с достоинством.

– Прораб Анчалов Борис Егорович, – представился он и протянул жесткую ладонь. – Можно просто Борис, как называют меня ребята. По возрасту мы с вами, возможно, ровесники. Не ошибаюсь?

– Вполне вероятно, из одного поколения, – сдержанно ответил я, ощутив его крепкое рукопожатие.

Мне, как, очевидно, и ему, был чужд официально подчеркнутый тон общения. Ближе по духу люди простые, искренние, не испорченные светскими интригами и пороками, снобизмом и хамством. Поэтому с первых минут встречи я проникся к Анчалову симпатией и доверием.

– Я работаю в строительном кооперативе "Фасад", – пояснил он. – В основном обслуживаем элиту. Строим особняки, коттеджи, виллы, фазенды и, даже замки, по индивидуальным, эксклюзивным проектам. Таких вокруг Симферополя, Керчи, Феодосии, Ялты, да и других крымских городов нынче немало. Сам, наверняка, понимаешь, какие у нас клиенты–заказчики. Красиво, как говорится, жить не запретишь. Но каково происхождение капиталов у всяких этих "новых господ", точнее, нуворишей? Главный источник – коррупция, казнокрадство, лоббизм и протекционизм. Но, увы, не пойман – не вор. Некому их ловить, как в том анекдоте: бежит по прерии неуловимый Джо. Неуловимый? Нет, просто он никому не нужен. Точно подмечено?

– Точно, – подтвердил я, – ведь декларацию о доходах, в том числе «теневых», а значит преступных, а главное о расходах, которые во много раз превышают официальные доходы, с депутатов и чиновников никто не требует. Работники фискальных ведомств мышей не ловят.

– Весь фокус состоит в том, что мы сооружаем хоромы, апартаменты за счет государства, бюджетных средств, которых не хватает на зарплату учителям, медикам, пенсионерам, – с грустью продолжил прораб. – За счет средств, предусмотренных на жилищно-коммунальные потребности, ремонт обветшалых зданий, возводится элитная недвижимость для нахрапистых депутатов и чиновников. Полиция, прокуратура, служба безопасности на это смотрят сквозь пальцы. Может, руки коротки или не позволяют им трогать акулу криминального бизнеса.

Занимаются мелкотой, квартирными кражами, подростками, ломают им судьбы. А тем временем чиновники под видом приватизации в обход закона обзаводятся недвижимостью на десятки и сотни тысяч долларов, строят за казенный счет личные объекты. И все им сходит с рук. Где справедливость, где закон, перед которым все, невзирая на чины и ранги, равны, где карающий меч правосудия? Наверное, он остается дамочным, поскольку никогда не обрушится на головы матерых и ушлых преступников.

Борис Егорович, задумавшись, перевел дыхание.

– Больно на все смотреть. Пока простых смертных потешают ваучерами, кучка дельцов стремительно обогащается. Каждый из заказчиков старается превзойти друг друга по части величия и помпезности объекта. Со стройматериалами: лесом, цементом, шифером, черепицей, облицовочной плиткой, паркетом, импортной сантехникой и прочими изделиями у них никаких проблем. Ударные темпы. Вот и мэр Орест Адамович Бунчак размахнулся возвести особняк на берегу Азовского моря, подобный Ливадийскому или Воронцовскому дворцам. Аппетиты царские...

Анчалов говорил твердо, взвешивая каждое слово. Видимо, протест давно вызрел в его сознании и теперь получил выход. Слушал его внимательно, не перебивая. Конечно, в общих чертах картина дачного и элитного строительства для бонз была мне известна. Возникло даже намерение заняться изучением этой темы, но постоянно отвлекала газетная текучка, суета и замысел откладывался на перспективу. И вот неожиданная удача, как говорят, на ловца и зверь.

– Знаю, что ваш "Фасад" среди других фирм на хорошем счету, – заполнил я короткую паузу.

– Так точно. Работаем на совесть, и заработки высокие. В тресте столько не получал, – подтвердил прораб. – Кооператив зарегистрирован в исполкоме, исправно платим налоги, претензий нет. Вы поглядите на другие кооперативы, что под крылом госпредприятий. Они, как пиявки, высасывают финансы. Кто их возглавляет? Сплошь и рядом родственники директоров и их челядь. Золотой век для казнокрадов, мошенников всех мастей, имеющих доступ к материальным ценностям и ресурсам.

Категоричность суждений и объективность наблюдений прораба не вызывали сомнений. Я и сам отлично понимал процессы и тенденции, происходящие в обществе, экономике, и догадался о цели визита Анчалова, но все же, спросил:

– Почему вы мне об этом рассказываете?

Борис Егорович испытующе посмотрел на меня, видимо, оценивая возможности и твердость характера. Я спокойно выдержал его пронизательный волевой взгляд.

– Часто читаю ваши острые статьи. Уважаю людей, которые выступают за справедливость. Думаю, что это дело вам будет по зубам, – уверенно произнес он. – Разворошите это осиное гнездо. Пусть люди узнают, куда уходят деньги из бюджета, на что тратятся их налоги? Пресса – грозное оружие, мошенники боятся огласки. Что написано пером, не вырубишь топором.

– Вам не кажется, что вы этим топором может срубить сук, на котором сидите или того хуже?

– Конечно, пострадаем, – резко ответил прораб. – Я об этом тоже думал, прежде чем прийти к вам. Моя бригада честно зарабатывает свой хлеб. Мы готовы строить дома для металлургов, рыбаков, учителей, врачей, библиотекарей, но нам пока не дают таких заказов. Ответ один: нет финансов, дефицит бюджета. Вот и весь сказ. Вынуждены строить для элиты, иначе прикроют кооператив, станем безработными. Все в руках чиновников, они решают, кого казнить, а кого помиловать. Конечно, не за красивые глаза, а за мзду.

– А ведь распустят "Фасад", если дело дойдет до скандала, – предостерег я. – Лишат вас лицензии на этот вид деятельности.

– В таком случае люди узнают причину. Не останется все шито – крыто, – возразил Борис Егорович. – Поднимем бучу, вместе отстоим "Фасад", чтобы строить жилье людям, ютящимся в общагах, обитающих в трущобах.

– Высокие заработки, премии, как с ними? – продолжал испытывать его на прочность.

– Честь и совесть дороже, – с достоинством ответил Анчалов. – Надоело закрывать глаза на безобразия. Перед сыном стыдно. Трудности переживу, в крайнем случае пойду на станцию вагоны грузить. На здоровье пока не жалуюсь.

Он замолчал, глубоко задумавшись. Я не торопил, позволяя ему все осмыслить, хотя, судя по всему, он пришел ко мне с готовым решением. Мое молчание он истолковал по-своему:

– Вы считаете, что не надо заваривать кашу? Пусть и дальше обдирают людей, как липу, наживаются на чужом горбу?

– Надо, – поддержал я его. – Если мы сейчас отступим, то и мне перед своим сыном, перед коллегами будет стыдно. Пока читатели верят печатному слову, не следует их разочаровывать.

В знак благодарности прораб крепко пожал мою руку и сразу перешел к изложению сути дела.

– Прихватил собой кое-какие документы, – раскрыл он "дипломат". – Накладные на стройматериалы, расчеты по монтажу объекта, платежи... Оставляю вам на пару суток для изучения. Постарайтесь снять копии на ксероксе. Все это касается расходов на строительство особняка Бунчака. Потом и за другие объекты депутатов и чиновников возьмемся...

Я внимательно осмотрел, перелистал документы, намереваясь более детально, подробно изучить их дома.

– Мне нужна вся проектно-сметная документация, – сказал я. – И обязательно технический проект.

– В своем заявлении я подробно описал объект, – ответил Борис Егорович. – Вам обязательно надо съездить на место и убедиться воочию. Прихватите с собой фотоаппарат или видеокамеру.

– Конечно, я в любом случае, прежде чем написать статью, побываю на объекте, но вы обязательно предоставьте мне проект. Основной документ или его фотокопия мне нужны в качества доказательства, когда дело станет по-настоящему горячим.

– Постараюсь вам его предоставить, – оценил он мою предусмотрительность. – Завтра же загляну к архитекторам. Хотя все они одного поля ягоды. Иной гражданин годами не может получить участок в пять соток под строительство, а для, подобных Бунчаку, все решается в один миг, как говорится, хозяин – барин.

– Борис Егорович, мы должны отдавать себе отчет в том, в какую серьезную схватку готовы вступить. Не хочу прогнозировать, чего это нам будет стоить, но не исключаю худший вариант. Поэтому будьте бдительны и осторожны, никаких поводов для компромата. Вы за воротник не закладываете? А то ведь ославят, как алкаша?

Свой вопрос я сопроводил известным жестом.

– Не увлекаюсь. Разве что по праздникам и с зарплаты с друзьями. Но не более двухсот граммов для душевной беседы в свободное от работы время, – улыбнулся прораб. – Ребята в кооперативе подобрались надежные, умеют держать себя в руках, не позволяют вольностей, не бухают. Техника безопасности у нас на первом плане.

– Они знают о вашем решении?

– Нет, я никого не посвящал, хотя большинству ребят доверяю. Чем меньше будут знать, тем лучше. Им тоже мало удовольствия доставляет работа на господ и панов. Не глупые, все отлично видят. Полбригады не имеют квартир, кто в общежитии живет, а кто снимает жилье. В общем, судьбой не слишком избалованы. Надеюсь, они меня поймут и поддержат, когда запахнет жареным.

Это был ответ человека, умеющего в любых ситуациях держать язык за зубами, что придало мне уверенность.

– А как по женской части? – продолжал я выявление слабых мест, на которых он мог бы споткнуться.

– По какой женской части? – не понял он.

– Чужие юбки не увлекают? – уточнил я. – Это ведь для нашего брата сладкая отравка, немногим удается устоять.

– Не без греха, – искренне признался прораб. Раньше по молодости увлекался, а когда семьей обзавелся, завязал с этим. Сам понимаешь, зачем осложнения, жена у меня замечательная. От добра добро не ищут. Будет повод, познакомлю со своей Аннушкой, Анной Сергеевной.

– Вот и прекрасно. Ни алкоголь, ни женщины нам не угрожают, – довольный тестированием улыбнулся я. – Но будьте максимально бдительным, когда дело достигнет кульминации. Здоровьем Бог не обидел, но не мешает иметь при себе какое-нибудь средство индивидуальной защиты. Кастет или газовый баллончик.

– Вот мое средство, – Анчалов, плотно сжал большой кулак. – Пусть только кто сунется, садану, мало не покажется. Боксом занимался, до первого разряда дотянул и бросил, как только тренер меня ни уговаривал, пророча спортивную славу, медали, призы и шальные деньги. Я – не рвач, не скряга, с деньгами расстаюсь легко. Они для того и существуют, чтобы их тратить, а не копить в чулке или банке.

– Ночью особняк охраняется? – спросил я, прикидывая, что если не удастся незаметно побывать там днем, то придется ради торжества справедливости пожертвовать ночным сном.

– Как же? – удивился он вопросу. – Бунчак поставил своего человека. Охотничье ружье, двустволку ему выдал и огромного пса, кажется, сенбернара, по кличке Демон.

После этой информации вариант с ночным посещением особняка отпал, ибо мог вызвать подозрение.

– Когда дело доходит до большой драки, не всегда успех приносит сила, – напомнил я ему по поводу боксерского разряда. – К сожалению, чаще всего побеждают хитрость и коварство. Это на ринге все зависит от мастерства и воли боксера. А в этой игре удары наносят в спину. Борис Егорович, не забывайте об этом.

Губы Анчалова плотно сжались, на лоб легли упрямые складки, и я понял, что мое предостережение достигло цели. Дал ему номер телефона, чтобы договориться об очередной встрече, когда он раздобудет проект особняка. Прораб отвернул манжет рукава куртки, и я увидел циферблат, больших командирских часов.

– Задержал я тебя, извини, – сказал он.

– Не стоит хлопот, ведь общение для меня благо. Часы у вас необычные, наверное, именные? – заинтересовался я.

– Призовые, десять лет назад на соревнованиях выиграл, – охотно ответил он. – До сих пор идут. Удобные и точные, со светящимся циферблатом, редкие по нынешним временам. Можно сказать, раритет.

Прежде чем распрощаться, Борис Егорович сообщил мне домашний адрес и номер телефона. Я еще раз ощутил его крепкое рукопожатие. Прораб вышел, а мне показалось, что я давно с ним знаком. Своей искренностью он сумел расположить к себе. От него исходила сила и уверенность в правоте дела. Такой мужчина все доводит до конца.

Приученный не принимать все на веру, не убедившись в том или ином факте, я и на сей раз подверг рассказ прораба анализу. Не провоцирует ли он меня? Почему он собственными руками решил разрушить комфорт и достаток, которые дает ему работа в кооперативе "Фасад"? В таких случаях надо докопаться до мотивов поступков. А что если Анчалов – человек рискованный и ему скучно жить без острых впечатлений?

Он морально настроен на борьбу. Занимался боксом, однако от спортивной карьеры отказался. Пожалуй, он все-таки искренен. Принципы, совесть и честь – вот мотивы его поступка. Даже в комфорте и богатстве человека не оставит ощущение ущербности и неполноценности, если его совесть не чистая, если он молчал, когда рядом царила несправедливость. Хуже того, потворствовал, как произошло с прорабом, которому пришлось самому строить фешенебельные особняки и дачи для местной нечистой на руку знати.

Совесть, если она еще не атрофирована, изведет такого человека. А глаза сына будут вечным укором. Я еще раз просмотрел документы. Подлинность их не вызвала сомнений. Когда уходил, прихватив с собой "дипломат", в трехэтажном здании редакции, кроме дежурной по номеру группы, никого не было. Улицы города были залиты разноцветным неоновым светом. В прохладном от близости Азовского моря воздухе ощущалось апрельское дыхание весны.

Двое суток спустя после встречи с прорабом я инкогнито под видом нанимающегося на работу в кооператив сантехника побывал на объекте Бунчака. Скрытно провел фотосъемку и ретировался, посетовав на то, что меня не устраивают условия и зарплата. В тот же день прораб передал мне технический проект двухэтажного особняка с крытым бассейном и зимним садом.

Имея в руках комплект ксерокопий документов, я на следующий день в течение трех часов написал статью "Особняк у моря", без ссылок на Анчалова, чтобы не подставить его под удар. К тому же, согласно Закону о печати, я имел полное право не указывать источник информации, чего мог потребовать от меня только городской суд. Оснований для такого повода пока не было, поэтому я был спокоен за безопасность прораба.

Отпечатал статью в трех экземплярах. Один из них положил на стол редактора и стал ждать реакции Лазаря Яковлевича Лубка. Я был уверен, что он прочитал, и мне важно было знать его реакцию и решение. Не питал иллюзий насчет публикации, зная осторожность редактора по части критических материалов.

Он не торопился с решением, а я сохранял выдержку. Так на тактике умолчания завершился рабочий день.

2. Вещий сон

После крошечной тьмы я очутился в небольшом подземном зале овальной формы. Сквозь низкий потолок непонятным образом, словно через тонкие капилляры стекловолокон просачивался лунный свет. Мертвенно-бледный отсвет ложился на размытые, как бывает в тумане, стены. Удушающей ватой меня обволакивала глухая тишина склепа. После секундного замешательства шевельнулась в моем сознании мысль: "Что со мной? Где я?" Успокоился и огляделся. Под ногами была плотная каменная твердь. Колючий холод ощутил даже через толстую подошву моих итальянских туфель. С трудом оторвал ноги от пола и подошел к стене. На ладони осталась известковая пыль. Подземная выработка. Что привело меня сюда? Я не успел, да и не смог бы ответить на этот вопрос, как позади себя услышал тихий, но отчетливый в пустом пространстве женский притягательно-властный голос:

– Иди за мной.

Обернулся, у противоположной стены, полуобернувшись ко мне, стояла женщина в белом прозрачном одеянии. Мягкие очертания ее изящного тела тонко высвечивались на фоне затененной стены, куда не проникал мертвенно-лунный свет.

– Иди за мной, я так долго тебя ждала, – с интонацией нежности в голосе мягко повторила незнакомка.

"Что вам угодно и почему я должен следовать за вами?" – хотел спросить я, но губы мои шевелились беззвучно. Я с каким-то бесстрастным равнодушием, словно это меня не касалось, осознал, что потерял дар речи. Направился к женщине, смутно догадываясь, что делаю это вопреки своей воле. Было такое ощущение, что я попал в магнитное поле и повинуюсь воздействию его силовых импульсов. Кто источник этого не постижимого воздействия на сознание? Может, она, эта женщина, непонятным образом, появившаяся в этом зале?

Утешало то, что я не утратил способности логически мыслить, хотя бы в форме вопросов, на которые тщетно пытался отыскать ответы. Цепь фактов, едва я нащупывал верный ход, разрывалась, словно нить от рассыпанных бус. Я терпеливо старался их нанизать, но тонкая шелковая нить вновь и вновь обрывалась.

Когда до женщины оставалось метра четыре, я захотел разглядеть ее лицо, она повернулась к стене. Из-за ее смуглой, просвечивающейся насквозь прозрачным шелком спины я увидел узкий арочный вход. Она, не оборачиваясь, легким движением руки поманила за собой. Я последовал за ней и оказался точно в таком же зале, из которого только что вышел. Так же из-под низкого потолка просачивался свет, заливавший овальное пространство. Незнакомка, едва касаясь, пола босыми ступнями длинных просвечивающихся сквозь платье ног, пересекла центр зала, и впереди нее в стене открылся узкий арочный вход в следующий зал.

Ей, наверное, очень холодно, пожалел я, глядя на ее босые ноги и легкое, как у балерины, одеяние. Видимо, эта мысль непостижимым образом передалась ей. Она на мгновение

обернулась, и моя память ясно, как при фотовспышке, запечатлела ее облик. Это была красивая блондинка лет двадцати, выше среднего роста, с копной соломенно-золотистых волос, спадающих на плечи. Она гордо несла голову на тонко изящной шее. Запомнился и нежный овал матово-смуглого лица с аккуратным носиком и большими глазами. Глаза поразили меня необыкновенной бирюзой. Незнакомка прошла под аркой, я, как связанный невидимой нитью, последовал за ней. Вскоре сбился со счета и прекратил попытку запомнить количество залов и примет на случай, если самому придется возвращаться назад. Залы были одинаковы, и потому мне казалось, что я иду по бесконечно закрученному, как спираль, лабиринту. Но когда, минуя знакомый проем, вступал в следующий зал, закралось подозрение, что я в нем уже побывал.

– Куда я иду? Зачем мне это надо? – шквал вопросов заставил меня замедлить шаг, и женщина сразу же это почувствовала.

– Иди за мной, ты должен выдержать все испытания, – на этот раз ее голос прозвучал холодно и сурово. Я удивился его резкой перемене. "Кто вы такая? Куда вы меня ведете?" – эти вопросы беззвучно застыли у меня на губах. Меня схватило нарастающее чувство тревоги. Ускорил шаг и поймал незнакомку за руку. Ледяной холод обжег мои пальцы. Хотел их отдернуть, но пальцы, словно примерзшие к металлу, остались на ее запястье. Вдруг перед нами возникла глухая стена.

"Слава Богу, наконец, пришли", – подумал, обрадовавшись. Еще раз попытался отнять руку, но прелестное бледное лицо незнакомки исказила боль. На ее белой груди расцветала алая роза. С ужасом увидел, как роза трансформируется в кровавое пятно, и алые капельки стекают с упруго вздрагивающего соска, на лицо женщины напозаает зеленовато-фосфорическая маска. Тысячами осколков рассыпался ее мучительный крик. Ко мне возвратилась способность говорить.

– Где вы? Что с вами? – слова мои многократным эхом отразились от стен. Женщины нигде не было. Наткнулся на голые мраморно-белые стены, я ощупывал их пальцами в надежде найти выход. Где-то далеко послышался шорох быстро удаляющихся шагов. Отзвенел серебряной монеткой осколок смеха. Плотной ватой вновь обволокла тишина.

"Завела, заманила, коварная колдунья. Это конец. Мне отсюда никогда не выбраться", – с тупой обреченностью подумал я, чувствуя, как все мое существо охватывает панический страх. Ранее увлеченный незнакомкой, я, казалось, не замечал холода, но теперь его могильное дыхание пробирало до костей. "Где же выход из этого чертова склепа? Ведь каким-то образом я сюда вошел, значит, должен быть выход. Может, пока блуждал в лабиринте, его замуровали?" Страх оказаться заживо погребенным все более овладевал мною, мешал логически мыслить, действовать обдуманно и осторожно.

В очередной раз, наткнувшись на стену, я в отчаянии ударил по ней сжатым кулаком и... проснулся.

– Кошмар. Приснится же такое, – вытер я со лба холодную испарину. Взглянул на светящееся табло электронных часов: без четверти четыре. Окно было затянуто предрассветной синевой. Нажал кнопку стоящего на тумбочке у изголовья светильника. Взял из распечатанной вечером пачки сигарету. Бросил взгляд на рукописи, лежащие на письменном столе, пепельницу и чашечку с недопитым кофе. Жена Валентина с сыном Игорем в отъезде, и потому меня поглотил холостяцкий образ жизни.

Вышел на лоджию. Закурил, жадно втягивая в легкие ароматный дым. С четвертого этажа открылся вид на улицу. Окна девятиэтажного здания на противоположной стороне были темны. На мокром асфальте отражались разноцветные огни рекламных табло. Однако нараставший гул транспорта, пока еще редкие такси с оранжевыми сигналами убеждали: город постепенно просыпался, чтобы через несколько часов втянуть в узкие русла своих улиц вереницы прохожих. Разбрызгивая струи воды, шаркая щетками, проехала моечная машина.

Попытался отвлечься, но странный сон занозой засел в голове. Чтобы он значил? Яне суеверный, скептически отношусь к хиромантии и предвещаниям, но увиденный сон заронил смутное чувство тревоги, неуверенности. Возможно, в столь зловеще– странной форме нашло выход напряжение, которое я испытывал в последние дни. Я старался найти сколько-нибудь аргументированное объяснение. Даже в самых трудных ситуациях приучил себя сохранять самообладание, не поддаваться силовому и психологическому прессингу, быть стойким. Малейшее проявление слабости могло означать, что дрогнул, что меня можно сломать. Видимо, сон явился аварийным клапаном, сработавшим от избытка давления в котле и выпустившим пар.

Будь сейчас рядом Валентина – любительница загадочных явлений, она бы расшифровала мое сновидение. Интересно было бы услышать ее версию. Что сулит мне этот сон, беду или удачу? Припомнился давний рассказ ныне покойного деда, что в ночь, когда на фронте погиб его старший сын, ему было вещее видение: глубокой ночью дверь неожиданно отворилась и в комнату, где он спал, вкатилось какое-то несуразное существо. Оно по-детски всхлипывало и охало. А дед лежал, словно окаменевший, не в силах пошевелиться. Спустя полмесяца принесли похоронку, и он все вспомнил. Может, это результат стрессового состояния, и организм, независимо от моей воли, сам обезопасил себя. Но я ведь этот выход из жуткого склепа не нашел, остался в каменном мешке. Лишь мгновенно прерванный сон возвратил меня в явь. Я вновь ощутил могильный холод, и стало не по себе жутковато.

–Черт возьми, может, действительно переутомился. Не взять ли мне отпуск и махнуть к жене и сыну в Подмоскovie? Березовый лес, грибы, речка... Любопытно, есть ли объяснение образу женщины в белом одеянии, заманившей меня в западню? Что бы на это сказала Валентина? Не заподозрила бы она в ней любовницу? Хотя на этот счет я был спокоен, жена еще ни разу не проявила чувство ревности. Всегда, даже во время мелких ссор, вела себя корректно и сдержанно.

Я напряг память, желая вспомнить хорошо и вскользь знакомых мне женщин, но, ни одна из них обликом и походкой не была похожа на блондинку с золотистыми волосами. Нереальный образ, решил я, мало ли что пригрезится во сне. Небо над городом уже струилось голубизной, а на востоке, где дышало море, занимался рассвет. Но на душе было беспокойно. Я интуитивно ощущал, как вокруг меня, подобно каменному склепу, сжималось пространство. Из-за приоткрытой двери услышал настойчивый телефонный звонок. Помедлил, докуривая сигарету. Кому это взбрело в голову звонить в такую рань? Трель не прекращалась. Я вошел и поднял с аппарата трубку.

– Смоляков? Евгений? – спросил глуховатый, очевидно, измененный голос. Я не торопился с ответом, соображая, кто бы это мог быть. Сказать, что ошибся номером? Так ведь опять позвонит. Да и какой резон таиться! В телефонной трубке послышалось напряженное дыхание. Я назвалса.

– Статья готова? – настойчиво спросил мужчина.

– Какая статья? Из Уголовного кодекса, что ли? – схитрил я, догадавшись, о чем речь.

– Брось притворяться, сам знаешь, о чем речь. Мне хорошо известно, что твоя писанина готова, ты собрался ее опубликовать.

– С кем разговариваю, представьтесь? – решил я сбить темп диалога.

– Это не важно, – сухо произнес он. —Сколько тебе твоя контора заплатит за статью?

Гонорар, или как он там называется?

– Как обычно, – уклонился я от точного ответа. – Суть не в деньгах, а в принципе, которыми я не торгую.

– Не темни. Я заплачу тебе раз в десять больше, только откажись от публикации статьи. Плачу "зелеными", на подержанную иномарку хватит, я знаю, что ты безлошадный, – щедро

посулил он и, не скрывая самодовольства, добавил. – Доллары или евро когда-нибудь держал в руках?

Я промолчал, соображая, как тактически грамотно поступить. Категорический отказ от предлагаемой взятки привел бы только к одному: они (я не сомневался, что их несколько) предпримут решительные действия для того, чтобы статья не увидела свет. Неопределенный ответ с намеком на то, что я не хочу продешевить, позволит мне выиграть время и вместе с Анчаловым провести контрдействия.

– Что молчишь? – нетерпеливо спросил незнакомец. – Для начала три тысячи долларов тебя устроит? А затем премия.

– Я подумаю. Предложение весьма заманчиво.

– Подумай, хорошенько подумай, писатель, – угрожающе сурово прозвучал голос и тут же осведомился. – Говорят, что ты женат, успел надеть хомут на шею. Любимый сын Игорь, жена Валентина – писаная красавица. Пожалей их, не огорчай родных людей. Подумай, мы не торопим, только не вздумай шалить. Ребята у нас крутые, а ты, судя по статьям, мужик не глупый. Полицию, прокуратуру не беспокой, у них без тебя дел хватает.

– Когда же мне ждать очередного контакта?

– Ха-ха, поищи наивных простаков в другом месте. Надо будет, мы тебя из-под земли достанем. С нами шутки плохи. Гут бай, Евгений, будь здоров, не кашляй.

В трубке слышались частые гудки. Я еще несколько секунд держал ее в руке. Конечно, можно было с другого телефона позвонить на АТС и выяснить, откуда был звонок. Но я на все сто процентов был уверен, что звонили с какого-нибудь телефон-автомата. На наивного простака, звонивший субъект совсем не похож. Так что проку от того, что мне сообщат местонахождение телефона-автомата, будет мало. Да и что я этим докажу и кому. Положил трубку на рычаг. Меня тревожила мысль, есть ли какая-то связь между увиденным сном и содержанием телефонного разговора. Насторожил неприкрытый намек насчет жены и сына.

Откуда ему известно, что статья готова? Произошла утечка информации. Кто ее допустил? На этот вопрос я непременно должен найти ответ. Неопределенность обезоруживала, лишала способности действовать уверенно и безошибочно.

Когда совсем рассвело, я тщательно побрился, позавтракал и отправился в центр города, где находилась редакция городской газеты.

3. Диалог с редактором

Редактор Лазарь Яковлевич Лубок, пятидесяти лет от роду, среднего роста, с выпирающим из-под свитера округлым брюшком и не сходящей в лица самодовольной улыбкой, проводил планерку. В который раз он сетовал на то, как туго в условиях перехода к рынку живется коллегам в других редакциях. И какое благо, что нас содержит учредитель – местная власть, мэрия города и лично господин Бунчак. Сотрудники, по большей части женщины, уныло внимали, набившим оскомину изречениям, суть которых сводилась к тому, что мы должны холить руку дающую.

– Выходит так: кто платит, тот и заказывает музыку, – вставил я реплику. – Где же тогда принцип свободы печати, плюрализма мнений? К тому же дотация из госбюджета это деньги всех горожан – плательщиков налогов, и они вправе требовать, чтобы газета служила их интересам, а не двум-трем слишком ретивым чиновникам.

– Теоретически ты прав, – с нескрываемым раздражением произнес Лобко, быстро свернув планерку и предложив мне задержаться. После того, как сотрудники разошлись по кабинетам, он приоткрыл дверь и пригласил из приемной секретаря – стройную, очаровательную брюнетку.

–Ирина, завари нам пару чашечек кофе, – велел он и польстил. – У тебя это хорошо получается. Если редакция обанкротится, без работы не останешься, пойдешь в кофейню.

– Лучше топ-моделью в салон красоты, – овеяв нежнейшими духами, одарила она своей магической улыбкой и легкой грацией возвратилась в приемную. От двери Лубок степенно прошел в дальний угол кабинета, где возвышался стальной сейф и, обернувшись ко мне, предложил:

– Евгений, давай для бодрости и моторности дернем граммов по сто армянского коньяка? Не пожалеешь, напиток богов.

– Неожиданная щедрость, по какому случаю, тем паче, что я не бог, а раб пера и бумаги.

– Все мы рабы. А для теплоты общения и взаимопонимания, иногда можно себе позволить расслабиться, – ответил он с ухмылкой, выжидающе взирая на меня.

– Благодарю, но я при исполнении, – сухо отказался я, понимая, что тем самым Лубок стремиться сделать меня покладистым, ручным.

– Я тоже не на отдыхе, читаю ваши «шедевры» от первой до последней строки, – хмуро произнес редактор. – Еще до пенсии, как крот, ослепну. А ведь некоторые из злопыхателей, завистников считают, что бью баклуши. Трудный, горький хлеб. Значит, коньяк не любишь, второй раз предлагать не буду?

– Обойдусь, невелика потеря. Вот, когда моя статья «Особняк у моря» увидит свет, тогда появится повод для пиршества, а пока воздержусь.

– Невольно не буду, хозяин-барин, – вздохнул редактор и барственно откинулся на спинку кресла. Выдержав паузу, зашел издалика:

– Пойми, Евгений Петрович, мы живем в далеко не идеальном мире, да и будет ли он когда-нибудь идеален в смысле справедливости? Поэтому надо трезво смотреть на вещи, соизмерять свои силы и возможности с реальной ситуацией. Ты догадываешься, куда я клоню?

– Да уж кое-что соображаю, – иронизировал я.

– Если соображаешь, то должен понять, что кнутом обуха не перешибешь. Тебе что, нужна сенсация? Дешевая слава, чтобы на выборах избрали депутатом крымского парламента или горсовета? Тщетные потуги. После эйфории наступит тяжелое похмелье, да и последствия могут быть непредсказуемы. Понимаешь, о чем речь? Власть предрежащие чиновники обид не прощают. Всегда воспользуются ситуацией, чтобы жестоко отомстить. Не создавай себе и нам врагов и неприятности. Ты – не пророк и не можешь изменить порядок вещей.

– Советуешь отказаться от публикации статьи?

– Вот именно, – оживился Лубок, ошибочно решив, что я склонен к компромиссу. – Я всегда ценил в тебе способность к здравому компромиссу и деловому прагматизму. Так ли это сейчас важно для читателей, кто из начальников построил особняк, лодочный гараж или купил крутую иномарку или крейсерскую яхту? Нам что с того, что появится скандальная статья? Одни неприятности, лишняя нервозность, вызовы на "ковер" и снятие стружки. Стресс, депрессия, инфаркт! Я дорожу своим здоровьем и репутацией. Вот, когда займешь мое кресло, в чем я очень и очень сомневаюсь, то флаг тебе в руки. Твори, выдумывай, пробуй! А пока изволь подчиняться, строго соблюдать дисциплину.

– Для граждан важно, чтобы чиновники, в том числе мэры, если и возводили дворцы и особняки, то на законных основаниях, за счет личных сбережений, – прервав его пафосную тираду, возразил я. – Строят хоромы за казенный счет? В то время, когда тысячи семей ютятся в коммуналках, бараках, общагах, в аварийных домах, десятилетиями стоят в очередях. Не могут получить земельный участок и ссуду на индивидуальное строительство. Это что, нормальное положение? Конечно, нет.

– Евгений, охлади пыл, с подозрениями ты перегнул палку. Проблемы всегда есть и будут, – поучительно изрек редактор. – Социализм, коммунизм, равенство – это красивый миф, сказка для идеалистов и романтиков. Это мы уже испытали на себе в советский период. А все

еще живешь иллюзиями, ностальгией о прошлом, необратимом времени. Одни всегда будут жить лучше, другие хуже, в зависимости от трудолюбия, предприимчивости и способностей. С этим ты хоть согласен? Или опять нужна революция, гражданская война с огромными жертвами, чтобы отнять имущество у богатых, поделить и раздать сирим и убогим?

– Не утрируйте, Лазарь Яковлевич. Да, равенство невозможно. Это чистейший идеализм, – согласился я. – Но я не приемлю того, что одни, не блистая трудолюбием, умом и талантом, живут исключительно за счет других, злоупотребляя своим служебным положением. Почему чиновники, бизнесмены, оседлавшие нефтяную или газовую трубу, в сотни, тысячи раз богаче простых тружеников, хотя недра, природные богатства страны в той же степени, что и олигархам, принадлежат всем гражданам страны. Но оказывается, что среди равных, по Конституции, есть еще ровнее, некие небожители. Но это там, на Олимпе власти. Глядя на них, не дремлют и местные «князьки», подминают под себя и городской бюджет и бизнес.

– Кого имеешь в виду? – насторожился Лубок. – Где факты и доказательства, где неопровержимые документы и свидетельские показания? Одним словом, улики.

– Они изложены в статье, я готов ответить за каждое ее слово.

– Да, аргументы в статье логически убедительны, – он выдержал паузу. – Но откуда у тебя эти факты, кто информатор? Как редактор, я обязан знать источник, конкретное лицо или группу лиц.

Я не поддался азарту спора и благоразумно промолчал. В кабинет вошла Ирина, а вместе с ней и запахи ароматного кофе. Она поставила чашечки, над которыми клубился пар, пожелала приятного аппетита. Мы благодарно улыбнулись. Глядя на Ирину, я вспомнил пришедшую ко мне во сне таинственную незнакомку. Попытался ее сравнить с нашей топ-моделью. Но та была блондинкой с ужасным финалом, а Ирина брюнеткой, изящной и женственной. Наверняка темпераментной, как принято говорить, жгучей. Откровенно признаюсь, я ей симпатизировал, тайно мечтая о взаимности. У других сотрудников в ее присутствии тоже учащенно бились сердца. Будучи замужем за участником войны в Афганистане, матерью малышки Марины, она пресекала все попытки закрутить с ней служебный роман. Когда Ирина вышла в приемную, мы пригубили горячий, бодрящий напиток.

– Напрасно отказался от коньяка, – посетовал Лазарь Яковлевич. – С кофе изумительный вкус, приток энергии, вдохновения. Нам для того, чтобы перья не заржавели, надо иногда взбадривать себя коньячком с кофе.

– Так дерни рюмашку-другую, – посоветовал я.

– Не годится в одиночку. Когда человек пьет с самим собою, то это явный признак алкоголизма, зависимости. К счастью, я еще не достиг такой стадии.

После паузы, Лубок продолжил прерванный разговор:

– Евгений, ты не вправе подменять собой следственные органы, милицию, прокуратуру, наконец, службу безопасности. Это их прерогатива – борьба с коррупцией, злоупотреблениями. Зачем тебе наживать врагов на ровном месте?

– Это мой гражданский и профессиональный долг.

– Уверен, что из-за этой статьи, будь она опубликована, пострадает газета, сотрудники, твои коллеги. Тебе устроят обструкцию, выживут из редакции.

– За что выживут?

– За то, что нам из-за твоего гонора урежут дотации, а может, и вовсе откажут в них. Некоторые издания уже потерпели фиаско. Бумага, полиграфические услуги, доставка газет – все подорожало, – стенал он. – Очень некстати ты со статьей сунулся. До выборов всего полгода. Компромат может очень повредить Оресту Адамовичу. Рейтинг, голоса избирателей. Давай повременим с публикацией. Я к его стилю и методам управления привык. Выберут мэром какого-нибудь неуча или деспота, натерпимся. Зачем менять коней на переправе?

– Конь не в дугу. Все под себя загребает, – заметил я.

– Где ты среди депутатов и чиновников видел праведников? – усмехнулся Лубок. – Власти жаждут ради обогащения, престижа, она развращает людей. Нередко, даже самые честные и стойкие отдаются соблазнам и искушениям. Только не истолкуй превратно. Для твоей же пользы стараюсь, еще благодарить будешь. Скажу только тебе по большому секрету, скоро намечается ряд вакансий. Орест Адамович решил потрясти свои кадры, разбавить свежей кровью. Соображай, у тебя есть прекрасная перспектива получить должность в аппарате горисполкома.

– Уж не пресс-секретарем ли он меня сватает на хлебное место госслужащего? – ухмыльнулся я.

– Не исключено, может и выше, главное, что государственная служба, – многозначительно произнес редактор. – Гарантированы карьера, высокая зарплата, льготы, привилегии и пенсия в старости. Не придется до последнего вздоха кропать бумагу ради жалких гонораров.

– Значит, Орест Адамович рекомендовал воздержаться? – спросил я Лубка в лоб, зная наверняка, что он ознакомил мэра с содержанием статьи. Лазарь Яковлевич беспокойно заерзал в кресле, подыскивая ответ, который бы развеял мои подозрения.

– Он не в курсе. Как ты мог подумать, – редактор обиженно поджал губы. – Есть редакционная тайна, которая для меня священное табу. Но я предвижу негативную реакцию Ореста Адамовича.

– Конечно, есть тайна и этика, – поддержал я его глубокомысленно, нисколько теперь не сомневаясь, откуда произошла утечка информации.

Вращаясь среди чиновников высокого ранга и пользуясь их благорасположением (не было случая, чтобы он конфликтовал), Лазарь Яковлевич, разумеется, не преминул засвидетельствовать Бунчаку свою личную преданность. Поэтому у меня не было оснований и желания доверять редактору. По характеру сугубо служебных отношений, возникшей между нами дистанции, он и сам давно понял это. Убедился в том, что увещаниями меня не пронять и поставил вопрос ребром:

– Что предлагаешь?

– Публиковать без купюр. И чем быстрее, тем лучше, – твердо ответил я.

– Не круто ли? Подумай о последствиях. Я бы на твоём месте воздержался и не стал, как говорится, дразнить гусей.

– Оставайся на своём месте, – резко парировал я. – В противном случае прошу возвратить мне статью. На нашем издании свет клином не сошелся, есть и другие, более популярные, зубастые газеты.

– Не горячись, не теряй голову. Спешка нужна при ловле блох, – пустил он в ход свою снисходительную улыбку. – Я что, возражаю? Нет, но надо еще подумать. Не годится идти в лобовую атаку там, где полезнее маневр, гибкость. Тактика в нашей профессии не последнее дело. Знаешь, в чем твоя слабость и уязвимость? В неспособности и нежелании идти на компромиссы. При таком характере и поведении ты никогда не сделаешь карьеры. Трудно тебе живется, и будет еще трудней. Помяни мое слово, я на своём веку не один пуд соли съел.

"А ведь хоть в этом он прав, – подумал я. – Не знаю, как бы я повел себя, будь на его месте. Но дело в том, что это место не по мне. Такие, как я, если случайно и попадают на высокую должность, то из-за своей принципиальности, долго не задерживаются. Им никогда не светят награды, почетные звания и прочие блага и привилегии от власть предержащих. У кормушки всегда много заслуженных летописцев-лизоблюдов".

– Благодарю за откровенность, – прервал я его попытку увести от сути вопроса. – О карьере у меня голова не болит. Однако, пока суть, да дело, я хотел бы получить свою статью. Это мое авторское право. Я вправе ею распорядиться по своему усмотрению, если она вам не подходит.

– Я вам этого не говорил. Надо еще подумать, обсудить на планерке, выслушать мнение членов редколлегии, нельзя рубить с плеча, – наставлял Лазарь Яковлевич. – Такие статьи с кондачка не печатают. Следует все взвесить, рассчитать, предусмотреть контрмеры...

По интонации, с которой были произнесены эти наставления, я понял, что статью он печатать не намерен, тем более, что в редколлегии состояли его поклонники. Слишком упорно, используя протекже и интриги, он рвался в редакторское кресло, чтобы так легко с ним расстаться. Сейчас оттягивает время.

– Лазарь Яковлевич, я хотел бы внести поправку в статью, смягчить некоторые умозаключения, сместить акценты, – пошел на хитрость, надеясь таким способом выудить материал.

Лубок напрягся, потом засуетился, стал перебирать случайные бумаги на столе, и я понял, что в данный момент моей статьи у него нет.

– Утонул в бумагах. Целый день, как белка в колесе. Столько папок, не помню, куда положил? – неуклюже оправдывался он. – Может домой взял, чтобы в спокойной обстановке внимательно изучить и выявить слабые места. Понимаешь, ухо надо остро держать, все предусмотреть, чтоб потом не пришлось с досады локти кусать и голову пеплом посыпать. Слово, и особенно, печатное, не воробей.

Я и прежде замечал, что мои критические с политической окраской статьи стали где-то оседать. Думал, случайность, а потом возникли сомнения. Уж не в досье ли? В случае изменения политической ситуации можно пустить в ход в качестве компромата.

– Не утруждайте себя, – глядя на суетливые пальцы, перебиравшие кипы бумаг, пожалел я редактора. – У меня сохранилась рукопись статьи. Теперь сам решу, где и когда ее опубликовать.

– Смотри, не наломай дров, – предостерег он меня с заметным вздохом облегчения. – Жаль, что мы не поняли друг друга, не нашли общего языка. Трудно так работать, когда один в лес, а другой по дрова.

– Да, нелегко, когда вместо дров горят рукописи, – упрекнул я, направляясь через просторный кабинет к выходу. Эх, Лубок-голубок, мелкая твоя душонка, прячешь острые статьи под сукно, живешь в постоянном страхе, как бы чего не вышло.

Пока шел, чувствовал спиной долгий осуждающий и лукавый взгляд редактора. Для него мое решение означало: гора с плеч. Теперь он даже косвенно, не отвечал за мои действия и, тем паче за содержание статьи.

4. Попытка контакта

"Факты и доказательства ему подавай", – вернувшись в свой кабинет, я вновь и вновь вспоминал менторские наставления редактора. Наверняка он догадывается, что кроме самой статьи и ссылок на цифры, у меня есть копии документов, из которых эти цифры взяты. Не исключено, что он задался целью выведать, какими доказательствами я располагаю, кто мне их предоставил. Конечно, они ему нужны не для того, чтобы подстраховаться на случай публикации, а чтоб убедиться, насколько серьезны мои намерения и есть ли в запасе сильные козыри. Как бы он поступил, получи от меня фотокопии подлинных документов? Сообщил бы о них по инстанции Оресту Адамовичу? Об этом можно, обдумывая разные версии, только предполагать.

Не исключал и такой вариант. Ждал от Анчалова телефонного звонка, чтобы договориться о встрече. Вызывало беспокойство и долгое молчание неизвестного субъекта, говорившего со мной ночью по телефону. Когда он намерен встретиться со мной и каким образом? Осторожен и предусмотрителен. Подстраховался на тот случай, если я сообщу в полицию или прокуратуру.

Сейчас, поразмыслив спокойно, после сомнений, одолевавших меня весь день, пришел к выводу, что обращаться за помощью в правоохранительные органы было бы преждевременно. Допустим, возьмут они на контроль мой квартирный и служебный телефоны, а шантажист прибегнет к иному способу контакта. Ни времени, ни места встречи я не знаю, фраза "мы не торопим" могла означать и сутки и двое и...

Я ни на грань не ошибался, что звонивший по телефону всего лишь посредник. За ним стоят более влиятельные силы, заказ которых он исполняет. Поэтому надо держать ухо востро, чтобы не совершить ошибок и не запутаться в их силках. Действия должны быть расчетливы и хладнокровны, но и преступить грань допустимого было опасно.

Понимал и другое. Чем меньше людей будет посвящено в это дело, тем больше шансов выйти из него с честью, полагаясь на собственные силы, интеллект и интуицию. Но при этом могла подвести излишняя самоуверенность, недооценка коварного замысла и возможностей противника. На чашу весов были брошены два возможных варианта: искать защиту у блюстителей, которым я не очень доверял, или до поры до времени, пока дело не обретет опасный характер, действовать самостоятельно, на свой риск и страх. Для этого нужен надежный тыл.

Удерживало меня от заявления в прокуратуру и следующее обстоятельство: как смешно и глупо выглядел в глазах блюстителей закона, если бы мой прогноз по поводу ожидаемого телефонного звонка не подтвердился. Прослыть трусом и паникером у меня не было ни малейшего желания. Это сразу бы породило интриги, пересуды и насмешки в коллективе, что всегда вызывало во мне патологическое чувство отвращения, обезоруживало перед ядовито коварной молвой. Не хотелось еще и с этой стороны получить ощутимый удар. Наивно было бы рассчитывать на поддержку и понимание.

Взглянул на диктофон «Sony», который на всякий случай держал под рукой. За четверть часа до окончания рабочего дня раздался телефонный звонок. Поначалу я не придавал ему значения. В течение дня прозвучали десятки звонков от авторов опубликованных и готовящихся к печати материалов. Поднял трубку и привычно ответил:

– Слушаю, Смоляков.

Длинная пауза. На том конце провода медлили, и когда я готов был бросить трубку на рычаг, услышал знакомый хриловатый голос:

– Господин Смоляков, вы надумали?

Вместо ответа я мгновенно приставил к трубке, включенный диктофон и спросил:

– С кем имею честь? О чем вы?

– Не валяйте дурака. Вы умный человек, и подобные штучки только усугубляют ваше положение. Слишком примитивно, рассчитано на узколобую шпану. Или вы до сих пор не представляете, с кем имеете дело?

– С кем? Какое дело? – продолжал я игру, кося глаз на вращающуюся кассету и намереваясь вывести его из равновесия, спровоцировать своими вопросами на ошибку, к чему, казалось, предрасполагало его многословие. Пожалуй, он понял это и спокойным тоном продолжил:

– Короче, мое предложение остается в силе.

– Мне нужно время, чтобы все как следует обдумать, взвесить, – по-деловому ровно, намекая на положительный результат, попросил я. – Вы ведь обещали не торопить. Не в моем характере принимать мгновенные решения, а потом казнить себя за опрометчивость.

– Лады, – согласился невидимый собеседник. – Не вздумай только водить меня за нос. Это выйдет боком.

– Я не принимаю необдуманных решений.

– Может, тебе стимул нужен, чтобы мозги лучше соображали? – мягче и доверительнее предложил он.

– Что вы имеете в виду? – насторожился я.

– Задаток. Какой-нибудь импортный презент. Например, подарок к приезду жены?– перечислил он в ожидании произведенного эффекта.

– Нет, по частям я не беру. Или все сразу, или ничего. Дорогой подарок может вызвать у жены подозрения. Начнутся расспросы, где, когда и за какие шиши, – для пушей убедительности ввернул жаргон. – Я ее тряпками и цацками не балую. Так надежнее. На скромно одетую женщину без мехов и драгоценностей мало кто глаз положит, да и она не рискует оказаться ограбленной.

– Разумно, железная логика. Уважаю людей с ясным умом, – польстился он мне. И по интонациям в его голосе я почувствовал, что мне все-таки удалось расположить его к себе. Сказались многолетние навыки журналистского опыта, общения с людьми.

– Жгучие, красивые и ласковые девочки тебя интересуют? – перейдя на "ты", иронически спросил он. – Наверняка, голодаешь и испытываешь потребность в разрядке при отсутствии жены. Нельзя перечить потребностям плоти.

– Если жгучие, красивые и ласковые, то кто же откажется, – полушутя, подыгрывая ему, весело подхватил я. – Любой здоровый мужик не устоит перед соблазном.

– То, что ты не настучал в органы о нашем ночном разговоре, одобряю и цену, – резко сменил он тон. – Иначе бы тебе головы не сносить. А насчет девочки, будь спокоен, обеспечим, я слов на ветер не бросаю. Гут бай, Евгений, будь здоров, не кашляй, дыши ров...

Разговор оборвался резко и неожиданно, на полуслове. Либо он что-то заподозрил, либо сделал это умышленно, давая понять, кто правит балом. Нажатием кнопки я остановил запись диктофона. Затем в целях предосторожности, опасаясь, что кто-то из сотрудников может заглянуть в кабинет, запер дверь на ключ, оставив его в замочной щели. Возвратился к столу, нажал на кнопку, воспроизводя запись. Звучание было отчетливым. Это меня вполне устраивало, хотя я не сомневался, что незнакомец изменил голос, наверное, использовал марлеву повязку, либо прикрыв рот ладонью. Но если дело дойдет до радиотехнической экспертизы, то по магнитофонной записи несложно будет установить личность обладателя голоса.

В тот момент, когда я прослушивал запись, в коридоре за дверью кабинета слышались чьи-то робкие шаги, приблизились и замерли. Я выключил запись, прислушался, было тихо. Неужели, кто-то из коллег, приближенных к редактору, следит за мной, усердно отработывая свой лакейский хлеб. Наверное, мне не следовало останавливать звучание, надо было под его шум подойти к двери и изболтать наглого осведомителя. Такая возможность была упущена, я отворил дверь. В полутемном и пустынном коридоре никого не было. Хлопнула входная дверь вниз. Возможно, курьер пошла в типографию, расположенную вблизи, через дорогу, за отгисками газетных полос, чтобы доставить их дежурному сотруднику. А может, дверь отворило сквозняком.

Прошел по коридору, выждал несколько минут. Тихо, никаких подозрительных звуков: будь то шагов или голосов. Возвратился в кабинет, оставив дверь приоткрытой, чтобы меня не застали врасплох. Одолевали сомнения, действительно ли кто-то стоял за дверью или мне показалось из-за слишком обостренной бдительности? Но если даже кто-то находился за дверью, он не мог увидеть, что происходило в кабинете – ключ торчал в замке. Это меня немного утешило.

Сбавив звучание, я дослушал запись. Расчетлив и осторожен. Главный козырь незнакомец выложил напоследок и тут же оборвал разговор. Он не столько похвалил меня за то, что я не сообщил в полицию или прокуратуру, сколько дал понять, что и там имеют своих людей и владеют оперативной информацией. Но я тоже не лыком шит. Запись будет очень кстати, когда того потребует ситуация. Это неопровержимое доказательство.

Сейфа в моем кабинете не было, поэтому я не рискнул оставлять диктофон в письменном столе. Еще две недели назад у меня возникло подозрение, что кто-то роется в моих бумагах. Чтобы убедиться в этом я в определенной последовательности сложил свои рукописи в папку,

сознательно перепутав страницы. Спустя двое суток страницы в папке лежали по порядку. После этого случая материалы, документы и рукописи, представлявшие повышенный интерес конфиденциального характера, я предпочитал носить с собой.

Диктофон с записью я положил в "дипломат". Запер дверь кабинета на два оборота ключа и, спустившись вниз по лестнице, вышел на улицу. Состояние спокойствия и уверенности вдруг сменилось чувством смутной тревоги. Что-то не так, где-то я совершил ошибку. Поспешно прокручивал в голове весь телефонный разговор и не мог понять, где? Дома еще раз прослушаю запись, проанализирую каждую фразу и постараюсь докопаться до истины, понять причину, встревожившую меня. С этими мыслями я пришел на автобусную остановку.

5. Уход от слежки

Пока поджидал автобус, внимательно разглядел находившихся на остановке людей. Мое внимание привлек парень лет двадцати пяти – тридцати с крупной головой и короткой стрижкой. Он был одет в джинсы и черный с красными полосами свитер турецкого производства. На ногах кроссовки. Мне показалось, что его голова росла прямо из плеч: когда ему надо было повернуть голову, он оборачивался всем корпусом. Парень курил сигарету, равнодушно смотря на молоденьких девушек со смазливими личиками. Один раз он взглянул на меня, и когда наши глаза встретились, мрачно отвернулся всем корпусом. Может, это последствия контузии. Мало ли парней покалечила война в Афганистане.

Подкатил оранжевого цвета сдвоенный "Икарус". Я помог женщине погрузить коляску с ребенком и при этом успел заметить, как парень ловко (какая к черту контузия) заскочил в заднюю дверь автобуса. Он демонстративно отвернулся, но я понял, что он наблюдает за мной через отражение в широком стекле. Возможно, это наблюдение неслучайно. Если это так, то вот и объяснение шороха за дверью моего кабинета.

Автобус двигался по центральной улице Кирова, минуя типографию, гостиницу, банк и, объезжая с тыла универмаг «Чайка», выехал на примыкающую к набережной улице Свердлова. Я решил проверить свое предположение. Когда автобус остановился вблизи от храма Иоанна Предтечи, я быстро прошел к передней двери. Резко обернулся и увидел, как крупноголовый парень в растерянности заметался по салону. Ему проще было выйти в среднюю дверь, но он безотчетно повторил мой путь и вышел через переднюю дверь. Как только он оказался на остановке, я прошел вдоль автобуса и нырнул в заднюю дверь. Парень едва успел уже на ходу, разжав половинки дверей, вломился в среднюю. Способ проверки преследователя удался на "отлично".

Теперь не оставалось и тени сомнения, за мной слежка. Неприятное ощущение! Но вскоре я смирился с ним, подыскивая варианты, как бы оторваться от «хвоста». Недолго мудрствуя, вышел на следующей остановке. Пересек дорогу и через городской парк культуры и отдыха вышел на набережную. Переложив "дипломат" из одной руки в другую, оглянулся, моего преследователя не было. Не заметил я, чтобы он выходил из автобуса. Но полной уверенности, что меня оставили в покое, не было. Он мог передать меня по эстафете своему сообщнику, назвав ему приметы и прочие характерные признаки. Ведь наверняка, этот странный парень понял, что я его раскусил и осталось одно – ретироваться, если, конечно, ему не приказали вступить со мной в переговоры. Но такой вариант нарушал бы правила игры: ведь уже есть один посредник. Скорее всего, у них четко распределены роли и один человек не может быть всеяден, хотя бы из опасения оказаться изобличенным. Поэтому действует группа.

На мгновение отвлекся, ориентируясь в обстановке. Вечерело. Угасал солнечный день. На набережную, протянувшуюся от центра города, над которым возвышалась гора Митридат с обелиском Славы, до небольшой уютной бухты, где расположились причалы морского рыбного порта, доки судоремонтного завода, плавучая мастерская и портальные краны, высыпали

на прогулку горожане, чтобы подышать морским воздухом, полюбоваться лазурной бухтой. Людей было не очень много. Это в летнюю пору, особенно в День рыбака, здесь яблоку негде упасть.

Внимательно изучал прохожих, пытаясь вычислить преследователя. Затем подошел к краю набережной. По заливу бежала мелкая зыбь, и от лучей заходящего за цепь горной гряды, солнца, на воду ложился красноватый и лилово-розоватый отсвет. Волны мягко накатывались на бетонную с прозеленью стенку набережной. Усердный нырок в поисках пищи то пропадал в глубине, то вновь появлялся на поверхности, заглатывая мелкую рыбешку. Какая жажда жизни, извечный труд в поисках пропитания! Усевшиеся в пяти метрах на парапете две белые чайки взирали на меня в ожидании подношения.

Сердобольные горожане в ненастную пору подкармливали лебедей, чаек, и птицы привыкли. На радость детворе хватили крошки хлеба, печенье или соломку прямо на лету. Вот и сейчас в полусотне метрах от меня группа взрослых в окружении детишек с веселыми возгласами потчевали слетевшихся чаек. Они с торжествующими криками проносились в воздухе.

Вблизи водной станции, где на канатах у причала раскачивался, касаясь старых шин, спасательный катер, а на бетонных площадках, опирающихся на сваи, сушились опрокинутые вверх дном выкрашенные в голубоватые и красные цвета лодки, на рыбацком ящике сидел старик с удочкой. Рядом стояла консервная банка с наживкой. Рыбалка, как и сбор грибов, была моей слабостью, и я охотно подошел к нему.

– Каков улов? – спросил я старика. Он неспешно обратил ко мне свое обветренное красноватое лицо и, глядя с прищуром, произнес:

– Неважный, вода еще холодная, бычок под камнями прячется. Но старухе на ушницу хватит. Серафима у меня, хотя и ворчливая, но уху обожает, за уши от котелка не оторвешь.

– Ушницу все любят, – поддержал я рыбака.

– Обычно выезжаю на Азов, – разохотился старик. – Вот распогодится, вода прогреется, тогда бычок пойдет за милую душу. Заведу свой "Запорожец" и вперед, на Борзовку в село Юркино или Курортное. У меня и резиновая лодка есть, снасти, все как полагается. Хочешь, и тебя возьму, а то одному скучно. Вижу, ты к рыбалке равнодушный. Это другим мужикам все по барабану, только бы напиться и с бабами в постели поваляться.

– Угадали, рыбалка – азартное занятие.

– На свежем воздухе, да под стопочку и уха слаще, – охотно агитировал старик. – Меня Алексеем Георгиевичем кличут, фамилия Волох. А тебя как зовут, мил человек?

– Евгений, – ответил я и, чуть помедлив, добавил. – Смоляков...

– Неужели, Смоляков? Известная в городе личность, – удивился он. – Корреспондент, значит или однофамилец?

– Да, журналист, репортер, – утвердительно кивнул я головой.

– Занятные статьи пишешь, честно, смело. Бьешь не в бровь, а в глаз, – Алексей Георгиевич приподнялся с ящика и подал свою крепкую жилистую руку. – Если не возражаешь, будем знакомы. О рыбалке с ночевкой подумай. Не отказывайся. Вот распогодится, я тебя сам разыщу. Много интересных историй знаю, расскажу, напишешь и заработаешь деньги. А сейчас возьми бычки, а я еще пару часов посижу, выловлю. Для меня важен не улов, а сам процесс.

Он вытянул из воды садок из мелкочечистой зеленой сети. В ней трепыхались темные с фиолетовыми зрачками рыбешки. Волох искренне посмотрел на меня, видимо, испытывая потребность в участливом собеседнике, разделявшем его увлечение.

– Спасибо, Алексей Георгиевич, в другой раз, – поблагодарил я. – От рыбалки не отказываюсь. Предложение охотно принимаю.

Мы тепло расстались, обменявшись рукопожатием, и я пошел по набережной. Беседа с Волохом подействовала успокаивающе. Но мысли упорно возвращали меня к реальности. Чтобы окончательно оторваться от "хвоста", решил поблуждать по городу, поужинать в кафе,

пойти на вечерний сеанс в кинотеатр. Бросил прощальный взгляд на море, где зажигались сигнальные буйки, обозначившие фарватер прохода траулерам и сейнерам в морской рыбный порт. Вдалеке, где находились видимые в ясную погоду очертания таманского берега, пролегал морской путь через Керченский пролив в Мариуполь, Новоазовск и другие прибрежные города. Там медленно, угадываемые по габаритам огней, двигались танкеры, сухогрузы, сейнеры и теплоходы. С левой стороны залива в огнях светились девятиэтажные здания новостроек. По водной глади в акватории торгового порта сновал лоцманский буксир, сопровождавший крупнотоннажное судно, входящее в порт.

Я пересек парк культуры и отдыха в обратном направлении и, не дожидаясь автобуса, отправился в центр города. Свернув в переулок, мимо наполовину вросших в землю домов столетней давности, вышел на центральную улицу, где еще сохранились здания старой архитектуры с богатой лепниной и строгими колоннами. В кафе присел за свободный столик, внимательно наблюдая за дверью, не последует ли за мной какой-нибудь тип. Я полагал, что женщине вряд ли отведут эту роль, хотя черт его знает? Эмансипация нарушила порядок вещей. В кафе заходили и девушки, и парни. Но, пожалуй, они больше были заняты друг другом.

Довольный тем, что удалось избавиться от преследователя, заказал чашку кофе и пару бутербродов с колбасой и сыром. С аппетитом съел и почувствовал себя бодрее. Домой, в пустую квартиру, ехать большого желания не было, хотя надо прослушать и проанализировать запись. Более всего я опасался, что могу притащить за собой "хвост". Чтобы этого не произошло, решил развеяться, развлечься.

Выйдя из кафе, сразу же набрел на широкую афишу "Смотрите на экранах города". Кинопрокат предлагал в основном западные боевики: "Крестный отец", "Разящие богомолы", «Легенда о Нарайяме», "Империя чувств"... Я выбрал настойчиво рекламируемый по телевидению фильм "Дикая орхидея". За несколько минут до начала предпоследнего сеанса, успел купить билет. Огляделся в просторном фойе. С фотографий на стендах на меня взирали лица популярных актеров. Меня не оставляла мысль о том, что среди зрителей находится "хвост", но так и не смог почувствовать за собой слежку. Вскоре, когда засветился экран, окунулся в сюжет фильма с кадрами эротики.

6. Неожиданный "сюрприз"

Через полчаса после окончания сеанса я вошел в свой подъезд. В полумраке (опять кто-то выкрутил лампочку) открыл почтовый ящик в надежде получить письмо от жены и сына. Вынул свежие газеты. Письма не было, молчит Валентина. Получила ли она мою телеграмму?

Размышляя, что же могло случиться, лифтом поднялся на четвертый этаж. Вышел на лестничную площадку. В предвкушении близкого отдыха, провернул ключ в замке и отворил дверь. В глаза ударил яркий свет. Только сейчас я сообразил, что не мог увидеть его раньше, так как окно лоджии выходило во двор.

– А, хозяин явился, не запылелся. Заждались, заждались, – поспешил ко мне навстречу незнакомый мужчина выше среднего роста, в черной кожаной куртке, плотно облегающей крутые плечи. Мне показалось, что она маловата для него. Не с чужого ли плеча?

Он протянул руку к моему "дипломату" с готовностью услужить, но я, крепко держа ручку, резко отстранился.

– Кто такой? Как сюда попали, кто разрешил? – с нескрываемым раздражением и недовольством спросил я, глядя в упор на монгольского типа, плоское и сытое лицо незнакомца, оценивая его физические данные. Хилому мужику такое дело не поручат. А этот тип силой не обделен, но все же, надо попытаться его выпроводить. Он понял, о чем я думаю:

– Не шуми, Евгений Петрович, – дружелюбно произнес мужчина, сверкнув золотыми зубами. – Уже поздно, соседей всполошите. Обвинят в пьяном скандале, вызовут полицию. Глупости ни к чему, лишь подмочишь свою безупречную репутацию.

– Прошу освободить квартиру, – попытался я оттеснить его к двери. Но он стоял упрямо, как вол, словно к подошвам туфель подвязали по пуду свинцовых пластин.

– Где хваленое гостеприимство? – нагло улыбался незваный гость.

– Што, товариш нэ понэмает? – послышался из спальни голос с акцентом. Поняв, что их двое, я оставил тщетную попытку избавиться от наглых посетителей.

– Нехорошо получается, Евгений, – похлопал меня по плечу незнакомец. — Сам просил девочку по вызову. Мы тебе ее привезли, а теперь от ворот поворот. Такие игры мы не признаем. Чудак ты право. Тебе после просмотра "Дикой орхидеи" баба сейчас в самый раз...

Он с усмешкой посмотрел на меня, давая понять, что мое посещение кинотеатра не осталось незамеченным, мол, контролируют каждый мой шаг, каждое действие.

– Какую девочку? Я ничего у вас не просил?

– Красивую, ласковую девочку. Просил, просил, вспомни телефонный разговор, – он на правах хозяина проводил меня в спальню. – Чьи это слова: "какой мужик устоит перед соблазном"? Мы люди деловые и обязательные, слов на ветер не бросаем.

Только теперь я понял причину беспокойства, исподволь охватившую меня после телефонного разговора. Как я мог допустить оплошность, приняв его предложение насчет пылкой и красивой женщины за тривиальную шутку. Так опрометчиво подыграл ему. Похоже, он не понял юмора и принял его за чистую монету. Поймал-таки на крючок. Теперь я пожалел о своем легкомыслии при ответе на вопрос по телефону. Впрочем, ответ я по-другому, они все равно бы придумали какую-нибудь гадость, чтобы насолить, вывести из душевного равновесия.

– Вы неправильно меня поняли. Я пошутил, а у вас отсутствует чувство юмора, все принимаете за чистую монету, – тщетно пытался спасти положение.

– Поздно, мы шуток не признаем, – металлическим голосом обрезал он. — Девочка ждет. Извелась, сгорая от неутоленной страсти. Обворожительная особа. Мы ее не тронули, для тебя приберегли, заслужил право первой ночи. Так что действуй без всяких угрызений совести. Это главное предназначение женщины на грешной земле: дарить нам и самой испытывать наслаждение.

Облизав пухлые, плотоядные губы, он замолчал. Войдя в спальню, увидел неожиданную картину. На диван-кровать, облокотившись на подушку, полулежала девушка лет девятнадцати-двадцати. Своими невинными зеленовато-бирюзовыми глазами она наблюдала за вторым незнакомцем. Тот сидел на ворсистом паласе. Спортивные брюки были закатаны до самых колен. На волосатых мускулистых ногах виднелась татуировка – обвившая икры синеватая кобра. Между длинными когтистыми пальцами ног были зажаты игральные карты. Он замер, вперив в меня испытывающий тяжелый взгляд, очевидно, поджидая приказ старшего.

К изголовью диван-кроватьи был приставлен журнальный столик. На нем стояли две бутылки пятизвездочного коньяка: одна полная, а вторая наполовину опустошенная, и четыре хрустальных фужера. На тарелках аккуратно порезанные ломтики колбасы, сыра, сала, маслины. Рядом коробка шоколадных конфет, пепельница с окурками. По-хозяйски распорядились, как в собственной квартире, нагледцы. К сервировке стола и эта смазливая блондинка, наверное, приложила руку. Чувствует себя беспардонно и уверенно. Ее прелестный облик показался мне до боли знакомым, но я не мог вспомнить, где видел незнакомку.

– Не сиди, как китайский болванчик, – напустился на приятеля мой провожатый. – Изобрази свой коронный номер. Евгений такого фокуса еще никогда не видывал.

Тот, ухмыльнувшись, принялся быстро тасовать карты пальцами ног. При этом игриво прищелкивал зубами, сопел от усердия. Меня трудно, чем удивить, но, глядя на потешную сцену, я не выдержал. Блондинка, очевидно, успевшая до моего прихода выпить коньяк пришла

в восторг от мастерства Картежника (так я окрестил его для удобства). Приятно звенел женский голосок и смех.

– Молодец, утешил клиента, – почувствовав перемену в моем настроении, похвалил своего напарника верзила. – Выпьем на посошок, закусим и свалим, а ты не скучай, займись «обкаткой», девочка извелась, вся пылает от страсти, не теряй время. Когда еще такая лафа подвернется.

Он потянулся к бутылке, чтобы наполнить фужеры. По их повадкам я понял, что имею дело с отъявленными уголовниками. Картежник, наверняка, не один год провел в исправительно-трудовых колониях, где и отшлифовал свое оригинальное мастерство. Я прикрыл ладонью пустой фужер, давая понять, что не намерен делить с ними трапезу.

– Брось, Евгений, упираться рогом, не зли, не буди зверя, – подступил ко мне незнакомец. – Знаю, что ты сейчас голоден, как волк. Жена далеко, а порочащих связей за тобой, как за Штирлицем, не замечено. Не перебирай харчами, не вороти нос, классная зажигалка. Гляди, не девушка, а сказка, персик, дивные глаза, а губки, какие медовые губки. Пышная грудь, осиная талия, а главное бедра и ножки. От сердца отрываем, почитай, царский подарок. Искусная, азартная наездница, пальчики оближешь...

Будто цыган коня, расхваливал незнакомку и она того стоила.

Понимая всю постыдность ситуации, не мог не признать, что девушка действительно была обворожительной. В ее больших с бирюзовыми искрами глазах таились испуг и смущение. Она прикрыла лицо смуглыми руками. На белой подушке в беспорядке были рассыпаны золотистые волосы, из-за приоткрытых сочных губ жемчужно поблескивали зубы. Красивая тугая грудь и длинные ноги невольно приковали мой взгляд.

Смущенно отвернулся и хотел уйти, но проткый сутенер грубо схватил меня за руку и прошипел:

– Струсил или товар не по зубам? Для обновления крови надо чаще любить красивых и юных девочек, чтобы не утратить вкус жизни.

– Что тебе от меня надо? – хладнокровно спросил я. – Такими подарками не разбрасываются.

– Вот, это мужской вопрос! – оживился он. – Условия моего хозяина прежние. Ты уничтожаешь статьи и передаешь мне материалы расследования, документы, магнитофонные записи. Взамен получаешь доллары и на полгода в прокат нашу девочку. Мы с ней сами договоримся. Захочет она с тобой и дальше дружить, ее дело. Бабы, как кошки, выносливы. Если потеряет товарный вид или закапризничает, найдем замену. Вон сколько очаровательных и длинноногих возле отелей и ресторанов тусуются. Водилась бы только в карманах валюта. А у тебя в кармане вошь на аркане, ха-ха – а! А сейчас мы оставляем тебя с ней, не пожалеешь... Покажи свои способности.

Он самодовольно, выпучив наглые глаза, рассмеялся и словно окатил липкой патокой. Если бы не этот омерзительный смех, я бы сохранил выдержку. Но пассивное восприятие того, что может произойти, делало меня соучастником гнусных деяний.

– Ну, и скотина же ты, – отчетливо произнес я ему прямо в лицо.

– Полегче на виражах, не зарывайся, — желваки заходили на его помрачневшем лице и холодом кольнули зрачки. – Здесь мы правим бал. Ты, может, на Мадонну губы раскатал? Нос воротишь, харчами перебираешь. Не хочешь по-доброму, выйдет боком. У нас и другие варианты в запасе.

– Возьми его на прицел, – он достал из-под полы куртки пистолет Макарова и подал его Картежнику. – Покарауль его в соседней комнате, а я разомнусь, плоть требует. Жаль, товар зазря пропадает, извелась она от страсти. Этот евнух ни на что не способен.

– Пошел ты... – процедил я, соображая, как поступить.

В трех шагах от меня чернело дуло пистолета, один неверный шаг мог стоить жизни. Действия Картежника со зверским выражением лица были непредсказуемы. Я с трудом сдерживал себя от опрометчивости. Первоначальный рыцарский порыв сменился холодной расчетливостью. Есть ли смысл рисковать из-за какой-то путаны? Конечно, досадно, что это происходит в моей квартире и невозможно воспрепятствовать. Использовать приемы самбо? Навыки припустились, да к тому же остается шанс получить девять граммов в грудь. Картежник бдительно следил за мной и, когда я бросил взгляд на телефонный аппарат, тут же прикрыл его собой, дав понять, что попытки тщетны.

Пока я закуривал, он не спускал диких глаз с моих рук. Настенные часы показывали без двадцати минут девять. Прислушался к тому, что происходило в спальне. Вдруг раздалась звонкая пощечина, а затем дикий вопль сутенера-насилльника:

– Ненормальная. Всю рожу поцарапала.

С отвращением представил происшедшую сцену. Зато лицо Картежника с отвисшей нижней челюстью помрачнело. "Конечно, им большой шум ни к чему, – рассуждал я. – Иначе бы он легко разделался с хрупкой женщиной, сломив ее сопротивление. Мне импонировали характер и упорство, проявленное незнакомкой. Одно было непонятно, какого черта она пошла с ними? Заманили обещаниями, деньгами или ради любопытства? А может, она с ними заодно и сейчас разыгрывает сцену непокорности, чтобы вызвать к себе симпатию и завлечь. Следует быть осторожным, женщины способны и на коварство. Но чтобы согласиться на такой риск, надо быть прирожденной актрисой.

– Артем, ты грязное животное, оставь меня, – сквозь плач послышался женский голос.

– Прекратите глумиться над человеком! – рванулся я в спальню. – Животное, мужлан! Картежник со свирепым выражением лица преградил мне путь.

– Стоять на месте! – крикнул он, скаля крупные зубы. – Как звездану, промеж глаз.

Видишь, эту игрушку.

Он хладнокровно навел на меня пистолет, и я понял, что этот тип на все способен. Ему человека застрелить – одно удовольствие. Я не стал испытывать судьбу. Хотя на мокрое дело они не пойдут. Это возможно, лишь, в крайнем случае, когда будут исчерпаны все способы бескровного воздействия: подкуп, компромат, шантаж. Поэтому у меня еще был резерв времени. "Что они предпримут дальше"? – пытался я постичь логику их дальнейших действий.

Через несколько минут из спальни вышел Артем. У меня не было сомнений, что это вымышленное имя. Видимо, блондинка все же не из их компании. Сутенер был зол и возбужден. Белки глаз налились кровью, как у быка, через щеку пролегли свежие кровотокающие царапины.

– Вот зараза, фотку испортила, – тяжело дыша, он вытер по-хозячьи, пухлую щеку ладонью. – Не далась, пантера, кошка дикая. Если бы она нам еще не пригодилась, то взял бы силой. Люблю строптивых телок, аж, кровь в жилах закипает. От кайфа отказалась. Может, у нее с головой не в порядке?

Он достал из кармана носовой платок и вытер потное лицо. Взглянул на бурые пятна крови и пригрозил в приоткрытую дверь:

– Я тебе еще припомню этот знак "нежности".

– Разрешите мне, я не таких ломал и мял, – Картежник заискивающе заглянул в глаза Артема.

– Нет, остынь, – твердо ответил тот. – Мне летальный исход не нужен, чтобы без "мок-рухи". Еще успеешь натешиться. Если не с ней, то с другими грелками.

– Наше дело чистое, отвечать придется ему, как заказчику товара, – указал на меня Картежник.

– Придержи язык за зубами, – огрызнулся Артем.

– Убирайтесь вон! – возмутился я. Противно было видеть их лоснящиеся, похотливо наглые рожи.

– Не шуми, не шуми, – с нарочитым спокойствием отреагировал Артем. – Побереги нервные клетки. Говорят, они не восстанавливаются. Бабу он пожалел, праведник. Да они для того и созданы, чтобы по первому желанию доставлять нам кайф. Странный, ненормальный мужик. Наверное, у тебя крыша поехала...

Потом повернулся к Картежнику, все еще державшему меня на прицеле, и язвительно посетовал:

– Хозяин сердится. Загостились мы, пора и честь знать. Пойди и уничтожь наши "пальчики", чтобы не искушали его. Мы еще встретимся. Не обессуди, Евгений, ты сам этого захотел. Девочку не обижай. Пусть немного у тебя побудет, отдохнет после жаркой схватки. Разрешаю поразвлечься. Она тебя примет, клиент богатый. Шальные доллары захотела заработать, дуреха. Ха-ха!

Он сочно рассмеялся, куражась, очевидно, намекая на мой скромный достаток и жилище. Картежник вскоре возвратился из спальни.

– Окурки забрал? – спросил его Артем.

– Вот они, – разжал широкую ладонь, рассчитывая на похвалу, сообщник. —Фужеры и бутылку протер. Никакой хрен отпечатков не обнаружит. Коньячок прихватил. Хватит с него остатка. Не слишком приветливым оказался, не научился гостей встречать.

– Молодец, кореш, – поощрительно произнес Артем. – Делаешь успехи, далеко пойдешь, если не остановят...

– Выметайтесь со своей девицей! Она мне и даром не нужна, – воспротивился я их намерениям оставить ее у меня, отмечая их предусмотрительность и осторожность. Видать, тертые калачи, все до деталей продумали, чтобы никаких следов и улики.

– Заказывал, пользуйся, – возразил главарь. Женщина с мольбой в глазах прошептала:

– Можно я останусь, боюсь их? Ее большие глаза с малахитовым цветом зрачков магически подействовали на меня и сердце оттаяло. Я молчаливо отвел взгляд.

– Не буянь, побудь немного сиделкой. Успокоится и щедро тебя отблагодарит. Хоть до утра кувыркайтесь. Это для меня она недотрога, – сквозь зубы процедил Артем. Пошупал пальцами царапины и скривился. Затем пошарил глазами по комнате и остановил взгляд на телефонном аппарате.

– Сделай ему харакири, – приказал он сообщнику.

– Кому сделать? – не понял тот, имея меня в виду, глядя в упор и садистски радуясь. Картежник достал из кармана нож, нажал кнопку на рукоятке, из которой со щелчком вылетело узкое стальное лезвие. Он стоял напротив меня, изготовившись для молниеносного удара. Это состязание нервов длилось не более десяти секунд. Главарь сознательно выдерживал паузу, стараясь понять мою реакцию. Выдержу ли испытание или обнаружу признаки трусости и замешательства. Мой мозг работал четко. Сейчас им нет смысла кончать со мной, иначе бы я ощутил серьезность опасности. Я был спокоен. Это всего лишь инсценировка, имитация, или, как говорят между собой эти типы, проверка на вшивость. Кажется, я ее выдержал с честью.

– Кому харакири? – специально заикаясь, переспросил Картежник.

– Телефону, шнуру, – поспешно, якобы разряжая ситуацию и опасаясь, что он ненароком меня прикончит, пояснил Артем.

Картежник, с готовностью подошел к тумбочке, на которой стоял телефонный аппарат, и коротким взмахом ножа отсек трубку. По злорадствующему выражению его лица я понял, что эта операция доставила ему удовольствие. Представил, с каким наслаждением он вонзил бы лезвие в тело человека. Играючи, нажимал на кнопку, то, пряча, то выбрасывая острое лезвие. На его лице блуждала улыбка идиота.

– Теперь порядок, – одобрил его действия главарь и резко бросил в мою сторону. – Советую не шуметь, ради твоей же пользы. Иначе загремишь в кичман, по нескольким статьям Уголовного кодекса. Гуд бай.

Они решительно прошли к входной двери и скрылись за ней. Послышался шум лифта. Сообщить в полицию, может, успеют заблокировать квартал? Я машинально потянулся к телефонной трубке и остановился на полпути, глядя на свесившийся с тумбочки обрывок шнура (мобильные телефоны в ту пору были редкостью). Можно было воспользоваться телефоном соседей, но у меня не было малейшего желания впутывать их в эту историю. Да и предупреждение Артема действовало отрезвляюще. После мгновенного анализа пришел к выводу, что ситуация складывается не в мою пользу. Прибытие милиции только усугубило бы мое положение, поставило в недвусмысленную ситуацию. Надо поскорее избавиться от женщины. Почему ее не слышно? Смутное подозрение закралось в мое сознание.

7. Юная блондинка

Я вошел в спальную. Первое желание – выставить женщину за порог, чтобы никаких улик в квартире. Но когда увидел ее, вспышка гнева прошла, уступив место сочувствию. Явно уставшая, она прилегла на диване. Золотые нити волос веером разметались на хрупких плечах. Глаза были полузакрыты, блузка разорвана, беспомощные руки скрещены на груди, влажные губы искусаны... Черт подери, кажется, я влип. Они инсценировал изнасилование. Надо быстрее привести ее в чувство и скрыть следы насилия. Так вот почему она просила не мучить ее. Слегка постанывая, беспомощная женщина находилась в каком-то полубессознательном состоянии.

– Очнись, не спи, здесь не ночлежка, – осторожно встряхнул ее за теплые плечи. Вряд ли она сознательно пошла на уготованную ей роль. Скорее всего, женщина оказалась заложницей их коварного замысла.

– Пить, дайте что-нибудь пить, – попросила она слабым голосом, глядя, будто сквозь меня.

Опять смутил ее знакомый облик. Я принес стакан воды, она жадно прильнула к нему пылающими губами. Ей было трудно поднять голову, и я придержал ладонью ее затылок, ощутив пальцами шелковистость мягких волос. Женщина поблагодарила тоскливым испуганным взглядом и стыдливо опустила взор.

– Простите, – слабо прошептала она. – Эти шакалы, специально все подстроили. Я это сразу поняла, как только вы вошли. Немного приду в себя и заявлю в милицию о насильниках, отморозках...

И смущенно запахнула на груди края блузки.

– В полицию звонить не следует, ославят, опозорят, – возразил я. – Вам надо срочно привести себя в порядок. И, пожалуйста, соберите свои вещи.

Я указал взглядом належавшие на полу ажурные черного цвета колготки. Она потянулась к ним тонкой рукой. Я подметил, на пальцах ни одного колечка, значит, в роскоши не купается.

– Как вас зовут?

– Снежана Ларцева, – прошептала она, на бледном лице вспыхнул румянец.

– Редкое имя, но, пожалуй, оно очень вам подходит. Снежана. Что-то от снега, подснежника, чистоты и нежности. Снежинка.

Она робко улыбнулась, одарив меня теплотой зрачков.

– Значит, начинающая. Из чувства любопытства польстилась на запретный плод?

Девушка, стыдливо опустив голову, спрятав лицо за локонами, промолчала. Я стремился больше узнать о ней и сутенерах, пока еще было время.

– Доверчивая и наивная. Вы их знаете?

– Один назвался Артемом, а второй всю дорогу молчал.

– Где они вас сняли?

– Возле ресторана "Меридиан", что в микрорайоне Марат.

– Успела вкусить райское яблочко? – наконец я отважился на волновавший меня вопрос

– Нет, я отбилась, они решили не портить «товарный вид» Все произошло совершенно нелепо, случайно.

Ее ответ, не знаю почему, но меня обрадовал. Девушка с характером, строптивая, но не с теми спуталась. Я вышел из комнаты, давая возможность женщине привести себя в порядок. Огляделся в прихожей и остановил взгляд на своем "дипломате". Один замочек был отщелкнут. Открыл крышку, диктофона не было. Какая непростительная оплошность! Подвела излишняя самонадеянность. Эх, надо было аппарат оставить в кабинете, тогда бы им не завладели бандиты. А без диктофона я, как без рук, ведь отвык от ручки и блокнота.

В этот момент раздался звонок. Ну вот, мое предположение подтвердилось, подумал я. Завидная оперативность. Подошел к двери, за которой слышался нетерпеливый топот.

– Откройте, полиция! – прозвучал угрожающе-требовательный голос.

Я не торопился, размышляя о женщине и пикантной ситуации. Следовало выждать, чтобы Ларцева успела обрести приличный вид.

– Открывайте, иначе кувалдой взломаем! – сурово прозвучало, в дверь настойчиво постучали. «А ведь действительно, могут разнести дверь кувалдой», – подумал я и отворил – на пороге стояли двое мужчин. Один из них в форме старшины полиции.

– Оперуполномоченный угрозыска господин капитан Савелий Ильич Михно, – представился тот, что в штатском.

– По какому случаю? – заслонил я проход в прихожую. – В ваших услугах не нуждаюсь. Отбой, ложный вызов.

– Зато у нас есть вопросы, гражданин Смоляков, любитель острых приключений и ощущений, – явно злорадствуя, надвинулся капитан.

– Почему так официально? Откуда вам известна моя фамилия? – заподозрил я признаки провокации.

– Так положено, – холодно ответил оперативник. – А насчет фамилии, список квартиросъемщиков в подъезде.

Да, в находчивости ему не откажешь. Я спросил прямо в лоб:

– Чем я обязан, столь позднему визиту?

– Поступило сообщение, что в вашей квартире, превращенной в притон, совершено преступление, насилие над женщиной.

– Вас дезинформировали, – возразили для убедительности пояснил. – Ввели в заблуждение.

– Я обязан проверить. Такой порядок, – настаивал Махно, пытаясь пройти в комнату.

– По какому праву? – придержал я его за рукав, повысив голос. — У вас есть ордер на обыск? Предъявите его, пожалуйста. Вам должно быть известно о неприкосновенности жилья и личной жизни гражданина?

Капитан, видимо, не ожидал такого оборота, стусеивался. Остановился в замешательстве.

– Вы не одни? – спросил он, услышав шорох в спальне.

– Какое это имеет значение?

– Да, конечно, ваше личное дело, каждый развлекается, как может, но в рамках закона, – согласился Савелий. – Позвольте мне воспользоваться вашим телефоном, чтобы дать "отбой" группе захвата.

– Но... у старшины есть рация, – указал я взглядом на висевшую на боку милиционера портативную радиостанцию.

Офицер уже прошел к тумбочке и поднял трубку с обрезком шнура.

– На радиотелефон не похож, – офицер улыбнулся, повертел трубку в руке. – Получается, как в песне Роксаны Бабаян: "отключили телефон в темной комнате".

Он устремил взгляд в спальную, и я понял, для чего ему понадобился повод с телефоном.

– О, да ты здесь не один, – увидел он за стеклянной дверью женщину. – Нехорошо прятаться. Давай знакомиться. Смоляков, представьте свою подружку для интимных утех.

– Она здесь оказалась совершенно случайно, – ответил я.

– Мг, случайно? Свежо предание, да верится с трудом, – язвительно заметил он и достал из кожаной папки брошюру. На ее обложке я прочитал «Уголовный кодекс Российской Федерации». Савелий перелистал несколько страниц, нашел закладку (заранее подготовил) и, добавив в голос металла, произнес:

– Статья 131. Изнасилование...

– Мог бы за время службы выучить назубок, – упрекнул я

– Смирно! Не перебивай, – огрызнулся он и продолжил:

«Пункт первый. Изнасилование, то есть половое сношение с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей, – наказывается лишением свободы на срок от трех до шести лет».

Пристально взирая, то на меня, то на Ларцеву, самодовольно заявил:

– Жаль, что срок наказания невелик, прежде давали до восьми лет. Но тем, кто по этой статье попадает в колонию, особенно педофилам, не позавидуешь. На зоне их превращают в «петухов». Лишь немногим удается выжить до окончания срока. Возвращаются психопатами, моральными уродами. Очень «завидная» перспектива?

– Капитан, к чему этот ликбез?

– Не просто капитан, а господин капитан, – велел Савелий.

– Много чести, может, прикажите гвардии капитаном величать?

– К сожалению, в полиции гвардейцев нет, а звучало бы гордо и красиво, – ответил он. – Понял, что тебе светит за глумление над женщиной?

– Содержание Уголовного кодекса мне известно.

– Еще бы, – ухмыльнулся он. – По твоим судебным очеркам в газете знаю, что набил лапу на этой теме. Откуда бы черпал материалы, если бы не сотрудники полиции. Мы день и ночь пашем, как проклятые, подставляем себя под бандитские пули и ножи. Каждый миг помним: или грудь в крестах, или голова в кустах? А ты, не мозоля рук, ничем не рискуя, сливки снимаешь. Мне бы такую непыльную работку.

– Не завидуй, сдай пистолет и берись за перо, – предложил я. – Поглядим, какой не на словах, а на деле мастак. Наверное, примитивные протоколы с грамматическими ошибками пишешь.

– Поговори еще. Не все мартовскому коту масленица, – осадил он. – Пробил час и тебя кто-то из репортеров охотно «прославит». Твой шеф Лубок по приказу моего начальника Реброва без проблем опубликует. Забавная будет потеха. Как говорят: от тюрьмы и от сумы не зарекайся...

– Не дожدهшься. Потуги тщетны, изнасилования не было.

– Как это не было? Почему твоя грелка, растрепанная с распухшими губами? – удивился капитан. – Почему?

– По кочану! – сорвалось у меня с губ. – Следите за речью, не грелка, а женщина.

– Не умничай, – проворчал Михно. – В отделе, как шелковые, все выложите начистоту. Не таким быкам и перцам рога обламывал. Если этой гражданке меньше восемнадцати лет, то тебя ждут большие неприятности за растление лица, не достигшего совершеннолетия. Загремишь на нары...

Савелий снова заглянул в брошюру и прочитал:

«...на срок от восьми до пятнадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двадцати лет»... Давай шевелись, живо на выход!

Он бесцеремонно грубо схватил Ларцеву за локоть.

– Оставьте Снежану в покое, – потребовал я, чувствуя, что начинают сбываться мои худшие предположения. – Она моя гостья, и вам до нее нет никакого дела.

– Гостья, говоришь? Разве с гостьями интеллигентные люди так поступают? – обрушил он залп вопросов, на которые я не мог дать вразумительных ответов.

– Капитан, я вам потом все объясню, – попытался остановить его рвение. Почувствовав мою уязвимость, он пошел напролом.

– Напоминаю, что я при исполнении. Обязан установить личность этой гражданки, – голосом, не допускающим возражений, осадил он меня. – Может, она в розыске по подозрению в преступлении или заражена сифилисом? Кто она вам? Жена, сестра или любовница?

Я молчал, соображая, как с меньшими потерями выйти из ситуации, не навредив ни себе, ни ей.

– Предъявите документы! – потребовал он у Ларцевой.

Она беспомощно опустила руки, полагаясь на мою находчивость.

– Вы превышаете свои полномочия, – вступился я за женщину, не ожидавшую такого поворота событий.

– Знаю, что делаю. Не мешайте, – и обернулся к старшине. – По-моему, есть признаки состава преступления. Надо оформить направление на судмедэкспертизу.

– Основанием для этого должно быть ее заявление! – вспылил я, хорошо зная, что он пытается мне инкриминировать. Ведь, если ее признают потерпевшей, то мне отведут роль сексуального насильника. Не важно, что потом обвинения будут отклонены и сняты, но скандала избежать не удастся. Тот, кто оправдывается, в глазах обывателя уже наполовину виноват. Как я впоследствии объясню Валентине, почему в квартире оказалась чужая женщина? Эти проблемы загоняли меня в тупик, и я с опозданием услышал ответ оперативника угрозыска:

– Будет заявление, напишет, не впервой. Я умею уговаривать, даже самых капризных и упрямых истеричек. А сейчас прошу, гражданка Ларцева, проехать с нами в отдел милиции.

– Зачем? Мне ничего от вас не надо, – заупрямилась Снежана.

– Так положено. Чистая формальность, – заявил капитан. – А вы, Смоляков, пока свободны, из дома и города не отлучайтесь.

– Я, что же на подписке о невыезде?

– Догадливый. Ты – подозреваемый и помни, что в отличие от твоей непыльной работки, моя служба и опасна, и трудна.

– Поеду с вами в отдел.

– Вызовем, когда потребуешься. Долго ждать не придется, а пока подумай о своей подмоченной репутацией, – властно произнес Савелий. Его ответ меня насторожил. Мало ли что под их диктовку наговорит испуганная женщина. Запутается в показаниях и окончательно все испортит. Коль так обернулось дело, я должен до конца испить сию чашу.

– Нет, капитан, этот номер не пройдет. Знаю, что нахимичите с показаниями. Еду в отдел, – увязался за ними. – Кто вам сообщил о якобы совершенном преступлении? Соседи никакого беспокойства не проявляли.

– Вам необязательно знать, кто? – резко, с чувством недовольства оборвал он. – Что касается "якобы", ответ даст судмедэкспертиза.

– Если соседи не обращались, то значит, сами сутенеры и навели тень на плетень, чтобы меня и Ларцеву оставить наедине и опорочить, – двинул я версию. – Возбудите против них дело по статье 220 УК РФ за сутенерство, принуждение женщины к занятию проституцией. За точность цитирования не ручаюсь. Проверьте, кодекс у вас под рукой.

– Проверим, – охотно согласился он, отыскав в брошюрестатью220, прочитал:

«Сутенерство. Побуждение или склонение к проституции, либо содействие проституции, либо получение выгоды вследствие занятия проституцией другим лицом наказываются штрафом в размере от 200 до 800 условных единиц или лишением свободы на срок от 2 до 5 лет. Те же действия: а) совершенные организованной преступной группой или преступной организацией; б) повлекшие тяжкие последствия, наказываются лишением свободы на срок от 4 до 7 лет».

Оглядев квартиру, с недоумением произнес:

– Против каких сутенеров ты предлагаешь возбудить дело? Кроме тебя и этой девицы никого нет.

– Сутенеров я выставил за порог, они скрылись.

– Надо было дожидаться полиции, а не заниматься самоуправством, – попенял капитан. – Подозреваемых нет, значит, нет оснований для расследования.

Все же моя настойчивость увенчалась успехом, Михно, скрепя сердце, согласился подвезти меня в отдел. Уже сидя в УАЗе, мчащемся по ночному городу, я с тупой обреченностью осознал, что избежать скандала, кажется, не удастся. Вдруг меня осенила мысль, вспомнил, где впервые увидел Снежану. В том странном сне. Она – точная копия блондинки с пшенично–золотистыми волосами, заманившей меня в каменный склеп. Сейчас она сидела рядом со мной, тихая и покорная. Проникший через окно машины свет вычертил ее нежный профиль. Хватит ли ей стойкости выдержать допрос и не подставить меня? Ведь цель задуманной акции состояла именно в том, чтобы скомпрометировать меня в глазах общественности, сломать морально, изгнать из редакции газеты. Мне не хватило времени проинструктировать ее, а сейчас это сделать невозможно. Поэтому оставалось полагаться на ее сообразительность и порядочность.

От этого зависела моя участь: то ли будет сфабриковано дело, то ли инцидент ограничится мелкими неприятностями. Незаметно нащупал ее теплую ладонь и мягко пожал. В ответ ощутил доверчивое пожатие ее тонких пальцев. Кажется, Ларцева меня поняла, и это придало уверенность. Женщина, почувствовав дружеское участие, приникла к моему плечу, и я уловил тонкий волнующий запах духов, теплоту ее дыхания. За три недели отсутствия Валентины я истосковался по женской ласке, и близкое соседство очаровательной блондинки остро напомнило об этом.

– Что ты липнешь к нему?! – грубый окрик управлявшего машиной старшины, наблюдавшего в зеркальце, заставил женщину вздрогнуть. – Может, не натешилась властью. Баба, что кошка, приласкай и она твоя...

Снежана испуганно взглянула на меня и немного отодвинулась.

– Ведите себя прилично, – я одернул грубияна. – Это для вас еще Владимиром Ильичем сказано: "за законность надо бороться культурно".

– Шибко грамотный, теперь Ильич для нас не указ, другие вожди командуют парадом, – ухмыльнулся доселе молчавший Савелий, явно поощрявший грубость старшины. – Посмотрим, что вы, голубки, в отделе запоете. Аморалка, блуд в частном притоне – уголовно наказуемое деяние...

В его голосе я уловил угрожающие нотки, и это заставило меня мобилизоваться, сосредоточиться перед предстоящим испытанием. Правда, у меня был резервный вариант – обратиться за помощью к знакомому капитану из угрозыска Василию Николаевичу Белозерцеву. Он нередко снабжал меня материалами для судебных очерков. Они с интересом воспринимались читателями. Пока же я мог рассчитывать лишь на собственные силы и солидарность неожиданной спутницы.

8. Поиск компромата

Управление внутренних дел находилось в центральной части города. На освещенной улице в полночь было пустынно. Лишь кое-где в тени домов и узких улочек уединялись парочки влюбленных. УАЗ остановился перед фасадом старого кирпичного здания. Когда Снежана выходила из авто, Михно ей «помог», грубо толкнул в спину. Девушка едва удержалась на ногах. Он скосил глаза в мою сторону, ожидая реакции.

– Аккуратнее, не дрова грузишь, – хмуро заметил я.

– Вот ты и сдал себя с потрохами, – обрадовался он. – А ведь клялся, что между вами ничего не было. От прелестей этой девицы, даже импотент не сможет отказаться, слюни пустит.

– Не меряй всех на один аршин, – ответил я. – Не все мужики похотливые самцы. Человек тем и отличается от животного, что способен чувства, желания и другие инстинкты сдерживать разумом.

– Поговори мне еще, отправлю не только дрова грузить, но и лес валить туда, где Макар телят не пас, – пригрозил капитан. – Спесь, как ветром, сдует.

– Для путевки на лесоповал нет оснований, – усмехнулся я его самоуверенности. Капитан надулся, осознав зыбкость своих аргументов.

В сопровождении Савелия и старшины мы с Ларцевой вошли в фойе, разделенное перегородкой, за которой разместились дежурная часть. Сквозь не занавешенное шторами стекло был виден пульт оперативной связи с сигнальными лампочками и разноцветными кнопками. В гнездах покоились телефонные трубки.

За пультом сидел седоватый майор, а рядом помощник – сержант. При виде нас он поднял голову и через переговорное устройство спросил у Михно:

– Управился, капитан? Успел застучать на горячем?

– Да, порядок. Тепленьких взяли. Коньячком забавлялись и кое-чем другим, – с намеком, куражась, доложил капитан. – Все плачут, что жизнь плохая. Мы с тобой, майор, можем себе позволить коньяк, довольствуемся спиртом и дешевой водкой или самогоном?

– Нет, не можем, – вздохнул тот. – Разве, что по большим праздникам или в День работника внутренних дел.

Окинул пристально-похотливым взглядом Ларцеву и заметил:

– Видать, начинающая «бабочка», еще свеженькая, незатасканная. Раньше в поле зрения не попадала.

– Майор, вы, прежде чем вешать ярлыки, оскорблять женщину, разберитесь в этой провокации, – прервал я их развлекательный диалог. – Полагаю, что вам не надо напоминать о презумпции невиновности. Не присваивайте себе функции суда.

– Продвинутый клиент, нынче все грамотеи, норовят командовать парадом. Юристов и экономистов расплодилось, хоть всех святых выноси, – недовольно пробурчал оперативный дежурный. – Не успеем прижучить, сразу за презумпцию невиновности хватаются, как за соломинку. А то, что притон в квартире устроил, так это детские шалости. Между прочим, в УК есть статья об ответственности за содержание притонов и сводничество. За эту шалость полагается до трех лет лишения свободы. Вот те и презумпция... Загремишь в СИЗО, а потом в ИТК на нары под фанфары...

Майор был явно доволен собой, полагая; что сразил меня наповал своей эрудицией.

– Статью 241 за содержание притона, хотите присобачить, – съязвил я. – И тогда мне крышка, лет на пять отправите за «колючку». А вам звания, ордена и медали за задержание особо опасного преступника, сексуального маньяка.

– Не исключено, поэтому, гражданин Смоляков, молитесь Богу, чтобы судмедэкспертиза не подтвердила факт изнасилования, да партнерша не раскололась, – посчитав диалог исчерпанным, майор отключил переговорное устройство.

Вот и обменялись любезностями. Все-таки что им от меня надо? Ведь оснований для задержания никаких, по сути, я сам напросился. Опасался, что они заставят Ларцеву подписать компрометирующие меня бумаги. Такая перспектива меня угнетала. Особенно после того, как обнаружил пропажу диктофона. Запись при определенных обстоятельствах может быть использована и против меня.

–Ма-йор-р!, – из недр дежурной части послышались ослабленный перегородкой истеричный крик и глухие настойчивые удары в металлическую дверь. Наверное, предположил я, кто-то беснуется в комнате для задержанных граждан, бомжей, называемой для краткости обезьянником. В таких комнатах при дежурных частях содержатся до выяснения обстоятельств и оформления документов, протоколов доставляемые экипажами патрульно-постовой службы правонарушители. Нередко они фотографируют и снимают отпечатки пальцев для картотеки, пополняя банк данных дактилоскопии.

Знание некоторых полицейских секретов позволяло мне сохранять уверенность. Снежана выглядела несколько подавленно и растерянно. Она стояла у зарешеченного окна, полагаясь на судьбу и на милость суровых блюстителей. Молодая и красивая. Черт ее дернул связаться с насильниками. Чужая душа – потемки. Может, ее кто-то в юности совратил, надругался, ведь с этого все и начинается. Каждый зарабатывает, как может. Я ей не судья.

Чтобы как-то подбодрить, улыбнулся, и она ответила доверчивой улыбкой. Расслабилась, словно стряхнула с себя оцепенение. Важно, чтобы она быстрее адаптировалась в этой казенной обстановке и не ведала страха. Ведь самое большее, что ей угрожает, так это штраф и постановка на учет по подозрению в проституции. А вот факт торговли телом, чтобы были основания для возбуждения уголовного дела по статье 241 УК, требует доказательства. Одного эпизода мало. По глупости ни за что, ни про что влипла, да и мне не просто будет выпутаться.

Капитан Михно, оставив нас на попечение старшины, исчез где-то в недрах здания. Может, консультируется. Намеренно не торопится, доводит нас до кондиции, до панического состояния. Только напрасны старания, Ларцева, похоже, освоилась.

– Вра-ча-а, доктора! – опять донесся визгливый голос и дребезжащий стук. Майор направил помощника разобраться, в чем дело. Вскоре сержант, рыжеусый парень, в щегольски надвинутой на лоб фуражке с красным околышем и кокардой возвратился и доложил майору. Переговорное устройство оказалось включенным, и я услышал разговор.

–Этот хмырь, токсикоман, которого привезли с дискотеки, вскрыл себе вены лезвием, – сообщил сержант. – Под каблуком туфли, зараза, прятал. Все стены кровью вымазал.

– Ничего, завтра заставим забелить, – спокойно произнес майор. Наверное, в его практике это был не первый случай.

– Просит вызвать "скорую", – продолжил рыжеусый.

– Как он? Много крови вышло?

– Ничего, балдеет.

– Ну, давай, вызывай, а то дуба даст, – велел майор сержанту. Наконец послышались шаги на лестнице, и появился Савелий.

– Более трех часов без официального предъявления обвинения не имеете права задерживать граждан, – напомнил я ему.

– Вас никто не задерживает, гражданин Смоляков, – возразил оперуполномоченный. – Свободны. Можете идти на все четыре стороны.

– Я имею в виду Снежану Ларцеву.

– Вы, что, муж, брат или ее адвокат? Какая трогательная забота о «ночной бабочке», – капитан изобразил на лице удивление.

– Я – заинтересованное в ситуации лицо.

Мое упорство передалось блондинке. Она плотно сжала капризные губы, а прежние зеленовато-голубые глаза приобрели серо-стальной оттенок. Я удивился своему неожиданному

открытию. Глаза меняли свой цвет в зависимости от настроения их обладательницы: от зелено-голубых и бирюзовых до серых. Феноменально. У моей Валентины был неизменно златокарий цвет зрачков, в каком бы расположении духа она ни пребывала. Блондинка собралась, как пружина, готовая к самым каверзным вопросам блюстителя.

– Гражданин Смоляков, – выразил он крайнюю степень осуждения. – Вы свободны, не мешайте вести дознание. Ваше присутствие неуместно. Если потребуется, вызову вас повесткой. Упрямство может выйти боком.

– Начнем с досмотра личных вещей и документов, гражданка... – капитан запнулся, надеясь из ее уст услышать фамилию.

Выдержав паузу под строгим взглядом офицера, она произнесла:

– Ларцева Снежана Павловна.

– Документы, живо на стол!?

– Нет. С собой не ношу.

– Придется проверять вашу личность через паспортный отдел, – строго произнес он и приказал старшине. – Запиши ее анкетные данные и адрес. Срочно проверь по ИЦ УВД.

Старшина записал исходные данные Ларцевой и ушел в дежурную часть. Вскоре там заработал телетайп.

– Покажите содержимое вашей сумочки, – велел Михно.

Она вопрошающе взглянула на меня. Я ободряюще кивнул головой, понимая, что в данном случае упорствовать бесполезно. Ларцева нехотя подала сумочку капитану. Он вытряхнул ее содержимое на стол: косметичка, флакон духов, низка янтарных бус, 650 рублей. Слава Богу, она догадалась спрятать в квартире, наверное, под диваном, разорванную блузку, иначе бы у капитана возникла масса подозрительных вопросов. Я полагал, что до требований раздеться дело не дойдет. Существуют же нормы приличия, мужской порядочности и уважения женского достоинства и неприкосновенности. Хотя, попробуй, узнай, какие у них на сей счет приказы и инструкции. Мне было известно, что в медвытрезвителе женщин заставляют раздеваться до нижнего белья. Но в данном случае, Снежана не дает никакого повода для подобных действий, ведет себя сдержанно и скромно без бурных эмоций. Я вел себя тихо, ничем не напоминая о своем присутствии, но и не желая оказаться отстраненным. Странно было, что он допрашивал Ларцеву в моем присутствии. Опасался только одного: ее могут поместить в обезьянник, где стены перемазаны кровью, и это сломит волю женщины. Поэтому твердо решил быть с ней до конца, если даже остаток ночи придется провести в фойе. Главное, чтобы она не чувствовала себя одинокой, знала, что я рядом, не оставил ее на произвол.

Савелий записал содержимое дамской сумочки в протокол.

– Сколько берешь за услуги?

Ларцева благоразумно промолчала, а он оценивающе, словно на торгах, изучал ее красивое лицо, высокую грудь, обтянутую сиренево-фиолетовым мохеровым свитером. Скользнул взглядом вниз, но стол, заслонял тонкую талию, округлые бедра и стройные ноги.

– Скряга, жмот твой клиент. Пожалел на такую красотку, – осуждающе произнес капитан. – При твоих данных валюту можно грести лопатой. Но учти: попадешься – загремишь на нары.

– Обойдусь без советчиков, – решительно ответила она. Михно снова напустил на себя строгость.

На все его вопросы отвечала однозначно: нет.

Он составил протокол, подал ей лист, ручку и вкрадчиво-льстиво велел:

– Пиши так, «с моих слов записано верно, мною прочитано» и подпишись.

Капитан надеялся, благодаря мягкому тону усыпит бдительность, и женщина охотно выполнит его просьбу и распишется. Но Снежана проявила осторожность и сообразительность.

Прежде, чем оставить автограф, решила прочитать содержимое протокола. По мере чтения на ее лице выразилось недоумение.

– Подписывай, подписывай, – поторопил Михно.

– О том, что гражданин Смоляков обманом заманил меня в свою квартиру, напоил коньяком, а затем изнасиловал. Это ложь, клевета, я об этом не говорила, – густо покраснев, возмутилась девушка, возвратила протокол. – Подписывать не буду.

– Не будешь? Пожалела своего клиента. Не за что не поверю, чтобы мужик и баба, будучи наедине, не захотели попробовать друг друга. Смолякову до импотенции еще очень далеко. Не сомневаюсь, что ваша встреча не обошлась бы без секса. Если не поставишь подпись, то придется составить протокол о занятии проституцией и сообщить об этом на работу для разбора на товарищеском суде, – пригрозил он.

– Капитан, вы злоупотребляете своим служебным положением, фальсифицируете факты и грубо шантажируете, – подал я голос.

– Молчи, не вмешивайся! – огрызнулся он. – Или хочешь схлопотать пятнадцать суток за нарушение общественного порядка? Так за этим дело не станет.

Он снова обернулся к Ларцевой и продолжил прессовать:

– Не советую проявлять строптивость. Если не подпишешь протокол, то ночь проведешь в клоповнике, в компании с голодными самцами, – наткнувшись на ее упорство, нервно заявил Михно.

Когда он с мрачным выражением лица вместе с Ларцевой вышел из кабинета я предупредил:

– Капитан, у меня есть основания обратиться в прокуратуру.

– Обращайся, – небрежно бросил он, намекая на влиятельного покровителя. «А ведь этот беспринципный тип не шутит, – подумал я, представить, что Снежана может оказаться в камере сексуально озабоченных мужланов, которые ради удовольствия ее не пощадят. Уже готов был к самому худшему, но развязка произошла совершенно неожиданно.

Послышался сигнал сирены, у здания полиции взвизгнули тормоза. В фойе появились врач, долговязый мужчина в очках и со стетоскопом на груди и стройная, миловидная медсестра.

– Здравствуйте. Кому нужна помощь? – обратился врач к капитану. Медсестра замерла на месте.

– Снежана, доченька, почему ты здесь, что случилось? Я тебя весь вечер разыскиваю, – подошла она к Ларцевой.

– Mamочка, не спрашивай, – дочь потупила взор. – Дома все подробно объясню. Небольшое приключение. Правда, капитан?

Она кокетливо улыбнулась офицеру, и тот замешкался от неожиданности. У него хватило ума не вдаваться в подробности. Возможно, Ларцева обезоружила его своей обворожительной улыбкой.

– Собирайся, сейчас поедem, – медсестра скользнула взглядом по рассыпанным на столе вещам и последовала за врачом в дежурную часть. Снежана поспешно сгребла вещи в сумку. Озабоченный Савелий молчаливо наблюдал за ее сборами, потом выписал повестку.

– Завтра жду вас в восемь часов. Продолжим беседу тет-а-тет, – и строго добавил. – Не вздумайте уклоняться. Вынужден буду в принудительном порядке прислать наряд полиции.

Потом обернулся и, словно впервые увидел меня, спросил:

– Смоляков, вы еще здесь?

– Да, здесь! – твердо произнес я. – Женщин в беде не оставляют.

– Возомнил себя рыцарем без страха и упрека? – усмехнулся он.

– Ты тоже прозрел, – не остался я в долгу.

– Спокойной ночи, – вежливо пожелал капитан и удалился вглубь полуосвященного здания.

– Вы магически влияете на людей, – подарил я ей комплимент. – Но вас, кажется, дома ждут неприятности?

– Переживем, – обреченно вздохнула Снежана и призналась. – Если бы вас не было рядом, то, наверное, от страха померла.

– Вы – умница, держались достойно, – с пробившейся в голосе нежностью возразил я. – Полно на себя наговаривать. И бросьте пагубное ремесло. Оно до добра не доведет. Такая очаровательная женщина. Да вам цены нет, чтобы с этого дня никаких панелей.

Она заметно погрузнела, прикусила губу.

– Снежинка, обязательно позвони в любое время суток. Я должен знать, о чем будет говорить с тобой капитан. Будь с ним осторожнее, не вдавайся в подробности, все отрицай.

На клочке бумаги я записал номер своего домашнего телефона, служебный утаил. Улучив момент, вложил клочок в ее теплую маленькую ладонь, искренне прошептал:

– Мне очень приятно будет услышать твой голос.

– Правда? – она повеселела, глаза приобрели зеленовато-голубой цвет. – Мне так больно и одиноко. Верно, говорят: не родись красивой, а родись счастливой. Ведь красота мимолетна, облетит, как с яблонь цвет.

– Придет еще к тебе счастье, только будь осторожна, – утешил ее. В этот момент из дежурной части вышли врач и медсестра, перевязавшая раны токсикоману. Я едва успел отпустить теплую ладонь Ларцевой.

– Вы тоже сотрудник полиции? – с недоверием спросила меня ее мать, стройная, миловидная, бальзаковского возраста.

– Нет, дружинник, – солгал, густо покраснел.

– Дружинники, полиция, а хулиганье прохода не дает, – посетовала женщина. – Время убили на перевязку, а в этот момент у кого-нибудь может случиться, инфаркт, инсульт или сердечный приступ. Невозможно успеть повсюду: ни машин, ни бензина, да и лекарства – дефицит...

Она безнадежно махнула рукой и обернулась к дочери:

– Пошли, уже поздно. Носит тебя нелегкая. Что это у тебя с губами?

– Обветрились.

Проводил их до самой машины. Снежана украдкой подарила мне свою очаровательную улыбку и "скорая помощь" умчалась в ночь. Не все так плохо в этом мире, если не считать похищенного диктофона с ценными записями. Дай Бог, чтобы это были первые и единственные потери в борьбе за правду и справедливость.

Вышел на улицу, поймал одинокое такси и далеко за полночь добрался до своего дома с редко светящимися окнами.

9. Вызов на "ковер"

—Зайди, есть разговор, – на следующее утро по селектору вызвал меня Лазарь Яковлевич. В его голосе прозвучали жесткие повелительные нотки. Опять будет тянуть волюнку со статьей, подумал я, поднимаясь к нему в кабинет.

– Дождались, на тебя поступила негативная информация, – сообщил он, едва я переступил порог. Обычная улыбка была стерта с его лица, но под суровой личиной, угадывалось внутреннее ликование. Он словно говорил: "Вот и достал я тебя, не отвертись, придется отвечать, как на духу".

– Десять минут назад позвонил начальник полиции господин полковник Ребров, – чуть помедлив, внимательно рассматривая меня, словно увидел впервые, продолжал Лубок. – Тебя

застали в собственной квартире в весьма пикантной ситуации с чужой женщиной. У нее обнаружены признаки насилия. Чем ты объяснишь этот факт?

– Обойдусь без объяснений.

– Чего-чего, а этого я от тебя не ожидал. Ты слыл прекрасным семьянином и вдруг такое? Как руководитель (он подчеркнул это слово) обязан оперативно отреагировать. Поверь, мне это не доставляет удовольствия, но таков мой служебный долг. Только бабника не хватает в нашем творческом коллективе. На всех совещания, заседаниях будут в хвост и гриву костерить. Зачем мне публичная порка, неприятности за чужие грехи?

– Отношения с женщиной мое сугубо личное дело, – четко произнес я. – Это никого не касается.

– Мне, конечно, безразлично, с кем ты, кроме супруги, спишь, – смягчил он тон. – Но пойми, что дело дошло до полиции. По городу поползут слухи. Авторитет газеты окажется под угрозой. Зачем нам такие проблемы? С такой политикой снисходительности и попустительства к аморалке мы потеряем читателей, скатимся до заурадной многотиражки.

– О своей чести как-нибудь сам позабочусь, – остановил я нравоучительную тираду. – Авторитет газеты, давайте не будем лукавить, зависит от бойцовских качеств редактора и сотрудников, обостренного чувства справедливости и принципиальности. Главное, чтобы острые материалы не прятались под сукно.

– Ты явно преувеличиваешь, – посетовал Лубок. – С женщинами будь аккуратнее, чтобы без скандалов и истерик. Гулящие бабы многим мужикам, знаменитостям, не чета тебе, карьеру испортили. Поверь, у меня нет желания делать решительные оргвыводы, но я буду вынужден принимать меры.

В этот момент в кабинет заглянул заведующий отделом промышленности с пухлыми, как у хомяка, щеками и глазами навывкате, известный своими лакейскими манерами и доносительством на строптивых сотрудников. Заметив меня, быстро ретировался. Очередную "новость" нес, да я помешал.

Стоически выдержал намек насчет оргвыводов, зная о недавней сценке, в которой Лазарь Яковлевич предстал в амплуа сутенера. Однажды в редакцию, будучи навеселе, забрели двое партийные бонз. Он завел их в один из просторных кабинетов, где находились молодые сотрудницы.

– Поглядите, какие у нас девочки, – стал лебезить перед начальниками, словно предлагая живой товар на выбор, позабыв о такте и нормах приличия. Двое из четырех девушек, оскорбленные такой презентацией, вышли из кабинета. Незамужним дамам она пришлась по нраву. А может, они решили не огорчать, не ставить в неудобное положение своего шефа, что для них было бы чревато неприятностями. Поэтому, зная цену моралисту, я совершенно спокойно отреагировал на замечание по поводу женщин и оргвыводов. Лубок, заметив мое безучастное отношение к его наставлениям, вздохнул и сочувственно предложил:

– Ох, не вовремя ты с этим "Особняком у моря". Носишься с ним, как дурень, со ступой. Сейчас этим никого не удивишь. Нувориши возводят многоэтажные дворцы, виллы, коттеджи площадью от пятисот до тысячи и более квадратных метров. Причем в заповедных местах и с них, как с гуся вода... Пойми, сейчас не время размахивать шашкой. Кавалерийские лобовые атаки, наскоки – анахронизм истории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.